

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ВОЙНА ЗА ПРОЛИВЫ ОПЕРАЦИЯ ПРИКРЫТИЯ

Рандеву с "ВАРЯГОМ" - 8

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

**Война за проливы.
Операция прикрытия**

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2020

Михайловский А. Б.

Война за проливы. Операция прикрытия / А. Б. Михайловский — «Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2020 — (Ангелы в погонах)

Восьмой том серии «Рандеву с Варягом». В войне за Проливы сделаны первые шаги и одержана первая бескровная победа, достигнутая дипломатами и агентами ГУГБ. Сменив князя Болгарии со старого Фердинанда на юного Бориса Третьего, Российская Империя царя Михаила вплотную приблизилась к Константинополю - только протяни руку и возьми. Но не все так просто. Несмотря на то, что Османская империя чрезвычайно дряхла, при ее убиении нужно соблюдать технику безопасности. Сначала необходимо создать условия для того, чтобы в бойню за Проливы не втянулась половина Европы, а уже потом делать в войне первый выстрел.

© Михайловский А. Б., 2020

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2020

Содержание

Часть 29	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Война за проливы. Операция прикрытия

Часть 29

17 мая 1908 года. 17:06. Великобритания, Лондон, Белая гостиная Букингемского дворца.

Присутствуют:

Король Великобритании Эдуард VII (он же для друзей и близких Берти);

Первый лорд адмиралтейства – адмирал Джон Арбенотт Фишер (он же Джеки).

Адмирал Фишер дочитал донесение британского дипломатического агента в Софии и, отложив его в сторону, взялся за высокий стакан горячего «адмиральского»¹ чая.

– У вашего племянника, Берти, – отхлебнув обжигающего ароматного напитка, проворчал он, – хватка как у нильского крокодила. Бедняга Фердинанд оказался ему на один укус – и вот уже, как вы и предсказывали, русские войска стоят на турецкой границе в ста километрах от Константинополя.

– Господь с вами, Джеки, – усмехнулся король, отпив той же адской смеси. – Майкл очень милый и гуманный молодой человек и совсем не заслуживает сравнения с крокодилом. Бывшего князя Фердинанда выставили из Болгарии как проворовавшегося лакея из приличного дома. С глаз долой – из памяти вон. И никакой, обычной в таких случаях мелочной славянской мстительности с нарубанием нелюбимого монарха вместе с женой на порционные куски. Хотя не могу не признать, что в этом деле стремительность и решительность моего племянника просто поражают.

Адмирал в ответ пожал плечами.

– Меня, Берти, больше удивляет то, – произнес он, – что ваш племянник отчего-то не торопится воспользоваться своим политическим успехом и ввести свои войска на территорию Болгарии?

– Возможно, – сказал король, – он и его советники знают несколько больше, чем соизволили сообщить нам с тобой. Ведь Британия так и не перестала быть геополитическим противником России, и поэтому глупо рассчитывать на полную откровенность со стороны Майкла и его советников из будущего. Врать нам они не будут, но и всей правды тоже не скажут. И это меня тревожит.

– А почему, Берти, вы думаете, что нам не будут врать? – спросил адмирал. – О родственных чувствах вашего зятя и племянника попрошу не упоминать, мне хотелось бы услышать аргументы повесомее.

– Достоверно известно, – сказал король, – что пришельцев из мира будущего – около пяти тысяч человек. И это не только высокопоставленные господа, состоящие в окружении русского царя, но и экипажи кораблей, а также солдаты наземных подразделений, герои Фузана и Окинавы. При этом они не спрятаны в каком-то потайном месте, а, так сказать, внедрены в российское общество на всех его уровнях, перемешавшись с аборигенами. Сохранить полную тайну в таких условиях не получится, несмотря ни на какие меры секретности. Хотя бы в общих чертах, но информация просачивается, и ее возможно собрать. Из общего шумового фона трудно вычлениить конкретные факты, но все, что удастся выяснить нашим людям, в

---

¹ Адмиральский чай – крепкий черный чай, желателно цейлонский, изрядно сдобренный хорошим коньяком. Способствует откровенности в беседе. Желающие могут попробовать, но только лучше этим напитком не увлекаться.

целом подтверждает информацию моего зятя и племянника. Правда, есть тут одно «но». Большинство простых людей, даже таких высокообразованных, как простолюдины из будущего, живет сегодняшним днем и совсем недавним прошлым. То есть большая часть информации, которую удастся выяснить таким путем, касается непосредственно мира будущего, а точнее, того временного слоя, в котором существовали те люди. И если собрать и обобщить информацию, касающуюся Британии начала двадцать первого века, то возникают только два чувства: жалость и омерзение. И эта информация не противоречит тому, что адмирал Ларионов рассказывает моей дочери, а Майкл мне. Единственная разница – Тори трепетно берегут от самых мерзких подробностей, которые не подобает знать настоящей леди; мне же рассказывают все.

– Ну, если дела обстоят именно так, Берти, – спросил адмирал Фишер, – то в чем же тогда причина вашей тревоги?

– Причина в том, Джеки, – задумчиво произнес король, – что я не уверен, что нас добросовестно информируют о событиях, которые непременно произойдут или должны произойти в самом ближайшем будущем. Точнее, я уверен в прямо противоположном. У меня такое чувство, что, взяв под контроль Болгарию, Майкл ждет какого-то события, о котором основная масса пришельцев попросту не помнит, а специалистам из его окружения – например, господину Тамбовцеву, господину Бережному или моему зятю – о нем прекрасно известно.

– Не секрет, – ответил адмирал Фишер, – что турецкая империя в настоящий момент изрядно напоминает изношенный бурдюк, наполненный бродящим навозом. Султан Абдул-Гамид Второй (чтобы он поскорее издох) не только ограбил свою страну, но и привел ее в полное расстройство. В упадке не только промышленность, сельское хозяйство и торговля; этот старый придурок не платит жалование своим военным и полицейским чиновникам, отчего те тоже находятся в состоянии, близком к возмущению. Дела в Турции и так обстоят неважно, а тут еще и это.

– Вы думаете, мой племянник Майкл ждет, когда в Турции разразится революция, чтобы повернуть свое дельце с минимальными потерями? – быстро спросил король.

Адмирал покачал головой.

– Революция – нет, я бы это так не назвал, – сказал он, – просто переворот, во время которого под восторженные крики дикой толпы одни мерзавцы и убийцы сменяют у власти других. И неважно, отрубят голову самому султану или только его визирю. В отличие от революций, перевороты крайне скоротечны, так что период замешательства в османском государстве будет коротким. Я даже не исключаю, что поводом для вмешательства в турецкие дела станет реставрация «законной» власти свергнутого султана. Ну а потом все пройдет, как это обычно бывает в таких случаях: спасенный султан благодарно отписывает своему спасителю пару провинций на границе...

– Это едва ли, Джеки, – покачал головой король, – для Майкла такая комбинация была бы слишком мелочной. Тут что-то другое. При несомненном интересе русских к Черноморским проливам конечный замысел моего племянника либо предусматривает полное разрушение Турции как государства, либо же переворот в Болгарии – это лишь отвлекающая операция, а главный удар последует в каком-нибудь другом месте. Не зря же люди моего племянника с таким усердием сколачивают так называемый Балканский Союз, пытаясь соединить несоединимое: Сербию, Черногорию, Болгарию и Грецию. Уж по крайней мере, греки, сербы и болгары терпеть друг друга не могут, ибо все эти три нации претендуют на одни и те же земли, сейчас входящие в состав Турции. Но если они объединятся, то ослабленные внутренними неустойчивостями турки будут биты и без непосредственного русского вмешательства. К тому же меня настораживает, что русские дипломаты тщательно обхаживают Софию, Афины и Белград, но при этом игнорируют Бухарест. Без Румынии антитурецкая коалиция получается неполной, ведь одними морскими перевозками на Варну при снабжении ведущих сражения войск не обойтись.

– А если война окажется крайне короткой – такой, что не успеет всполошиться ни одна европейская страна, а русские войска уже маршируют по улицам Константинополя? – высказал предположение адмирал Фишер.

– В таком случае, Джеки, – парировал король, – количественный или качественный перевес стран Балканского Союза над турецкой армией должен оказаться подавляющим. Даже десантный корпус господина Бережного, который, как говорят, вышколен безупречно, не способен настолько переломить ситуацию в пользу противников Турции, чтобы война закончилась ее поражением за несколько дней. Есть еще какое-то неизвестное, которое мы упускаем в своих расчетах. Скорее я бы предположил, что, пока союзники России в стиле прошлой войны на Балканах возятся с Турцией, мой племянник нанесет сокрушительный удар где-то в другом месте...

– При таком раскладе, – хмыкнул адмирал Фишер, – кандидатов в мальчики для битья всего двое: двуединая австро-венгерская монархия во главе с выжившим из ума старым императором Францем-Иосифом и Швеция... Других враждебных соседей на западном направлении у России нет. Я бы проголосовал за Швецию. Там у русских торчит самое мощное военноморское соединение, которому шведский флот на один зуб, и там же дислоцируется корпус морской пехоты генерала Бережного – красивая и мощная игрушка, которая обошлась в немалые деньги, но тем не менее ни разу не бывала в деле... Кроме того, шведы изрядно замазаны в финских делах и были не раз ловлены на поддержке российских социалистов-революционеров – а такого ваш племянник обычно не прощает никому.

– Он много чего никому не прощает, – проворчал король, – в том числе и убийство своего брата. Линейные крейсера – убийцы торговли, это как раз по нашу душу. Моя дочь пишет, что, по словам ее мужа, в их конструкцию внесли достаточное количество новшеств из будущего, чтобы, при условии последовательных модернизаций, они продолжили оставаться в строю еще сорок или пятьдесят лет, то есть до естественного конца Британской Империи из другой истории. Ни одна ваша лоханка, Джеки, из-за естественного устаревания не продержится в линии и половины этого срока. Но разгром Великобритании не является для Майкла первоочередной необходимостью, поэтому вексель за убийство его брата выписан на очень длинный срок, и у нас еще есть возможность погасить его разными добрыми делами. А вот турки отмечены в поддержке единоверных им бандитов на Кавказе и в Центральной Азии, австрийцы поддерживают малороссийских и польских сепаратистов, а шведы, как вы уже сказали, поощряют силы, желающие отколоть Финляндию от России и снова присоединить ее к Швеции. Как видите, ни у одной из этих стран нет решающего преимущества, исходя из которого русская армия должна заняться ею в первую очередь...

– Швеция, – парировал адмирал Фишер, – накрепко связана с союзной России Германией, а что касается Австро-Венгрии – то это жилистый и неудобоваримый кусок мяса, в котором увязнут зубы и более опытного хищника, чем ваш племянник Майкл. В свое время от поглощения империи Габсбургов воздержался и старина Бисмарк – а уж этот волк от политики знал толк и вкус в аннексиях и контрибуциях. Если принять эти рассуждения за истину, то получается, что Турция и есть настоящая цель русской комбинации вокруг Болгарии... но это настолько очевидно, что не может быть правдой.

– Знаете что, Джеки, – хмыкнул король, – таким образом мы с вами можем гадать хоть до второго пришествия. Русские демонстрируют свой интерес к Черноморским Проливам, но мы ничего не знаем об их настоящих планах, составленных на основании неизвестной нам информации. Сейчас русский царь и его советники играют с нами в наперстки...

– Играют во что? – не понял адмирал Фишер.

– Это, – пояснил король, – такая старая азартная игра простонародья. С недавних пор стала чрезвычайно популярна в преступном мире Петербурга, так как хорошо подходит для обдуривания простаков. Суть игры заключается в том, что берутся три наперстка, под один

из которых укладывают горошину, после чего ведущий начинает быстро-быстро их перемешивать. Как только процесс заканчивается, игроку (он же простак) предлагается сделать ставку и угадать, под каким наперстком расположена горошина. Даже если простак очень внимателен, это ему не поможет, потому что по ходу перемешивания ведущий жульничает, перекатывая горошину между наперстками. Ловкость рук позволяет ему делать это совершенно незаметно...

– А! – воскликнул адмирал Фишер, – я понял твою аналогию, Берти. Горошина – это действительный русский интерес, три предполагаемые страны-цели – это наперстки. Только вот в чем незадача. Ведь мы вовсе не собираемся делать ставку в этой игре, потому что мы с тобой не простаки и понимаем, что выигрыш, если он будет, окажется ничтожным, а вот потерять мы можем очень многое. Нет, лучшее, что простак может сделать в таких условиях – это вовсе отказаться от игры.

Произнеся эти слова, первый морской лорд сделал небольшой глоток почти остывшего напитка и задумался.

– Я ведь проверил те твои слова об информации из будущего, – сказал он через некоторое время, отодвинув опустевший стакан. – Наша империя действительно расплзается по ниткам, как прелая тряпка, буквально на глазах. Канада, Новая Зеландия, Австралия и Индия с каждым днем удаляются от Метрополии, как будто их уносит морским течением. Пока этот процесс еще находится под контролем и почти незаметен... но время неумолимо. С каждым днем наша способность достигать своих целей уменьшается, а удерживать целостность наших территорий становится все труднее и дороже. Я, честно сказать, не знаю, что нужно для того, чтобы обратить этот процесс вспять, но в любом случае нам нужно перестать разбрасываться невосполнимыми ресурсами – и, в первую очередь, нашим политическим авторитетом. Мне ли не знать, как сильно подкосила нас Формоза... Авторитет Роял Нэви и британских кораблестроителей пал в грязь и повторение чего-то подобного добьет нас окончательно... например, гипотетическая стычка «Дредноута» с троицей русских прерывателей торговли или с единичным германским монстром, броня которого будет держать наши двенадцатидюймовые снаряды, а его четырнадцатидюймовая артиллерия сможет добиваться пробитий на всех эффективных дистанциях боя. Я уже не говорю о таком варианте событий, в котором точку в морском сражении поставят тяжелые ракетные снаряды с русских кораблей из будущего... Идти на схватку с Российской Империей в таких условиях будет безумием, тем более что мы даже не понимаем смысла задуманной игры, а противоположная сторона читает нас будто раскрытую книгу. Это как с болотом: чем больше ты в нем трепыхаешься, тем больше тебя затягивает... И неважно, что стоит на кону: Швеция, Австро-Венгрия или Турция. Выигрыш даже в случае успеха будет ничтожен, а издержки огромны...

– Знаешь, Джеки, – сказал король, также отодвигая от себя опустевший стакан, – я тоже много об этом думал и пришел к выводу, что пришло время прекратить бесплодные умствования и повторить тот трюк, который я провернул четыре года назад. Чтобы разобраться во всем детально, нам с тобой необходимо совершить небольшой рабочий визит к моему племяннику. Именно нам. С мистером Асквитом², как ты уже убедился, дела не сделаешь. К тому же есть вещи, которые нельзя доверять почте, даже дипломатической, и, кроме всего прочего, тебе пора лично познакомиться с моим зятем. А там, глядишь, и для нас забрезжит свет в конце тоннеля, поскольку ни Майкл, ни мой зять, ни господин Бережной не пылают ненавистью к Великобритании как к таковой. К кузенам³ их отношение не в пример хуже. Ведь у нас – русских и англичан – и вправду нет причин конфликтовать, и мы действительно можем разделить мир на сферы влияния как две равновеликие империи. А если на эту встречу приплется еще

---

² Генри Асквит – в 1908-1916 годах премьер-министр от либеральной партии.

³ Кузены, в устах англичанина – это американцы.

один мой племянник, кайзер Вильгельм, вместе со своим верным клевретом адмиралом Тирпицем, то мы можем предложить им полакомиться французскими колониями, если уж русский царь пока не разрешает им взять Париж и целиком съесть жирного французского каплуна. Должен же и у германцев быть в этом деле хоть какой-нибудь интерес. Попутно посмотрим на реакцию Майкла. Быть может, нам хоть немного удастся расшатать русско-германский союз. Как говорили древние: «разделяй и властвуй».

– Я думаю, Берти, – сказал адмирал Фишер, вставая из-за стола, – это ты неплохо придумал, особенно с германским кайзером. Это дело ни в коем случае нельзя пускать на самотек, и твой второй племянник Вилли непременно должен оказаться на этой встрече. На троих мир значительно приятнее делить, чем на двоих – хотя бы тем, что всегда можно найти виновного в неблагоприятном развитии событий. Я, пожалуй, организую утечку из Адмиралтейства – и тогда кайзер с Тирпицем прискачут хоть во Владивосток, хоть на Мурман.

– Не надо так далеко, – сказал король, – думаю, моя встреча с племянником Майклом состоится в Ревеле, где-нибудь в первых числах июня. А историки потом назовут ее, к примеру, «Ревельская конференция», желательно с эпитетом «судьбоносная». И, кстати, чтобы не умалить моего королевского достоинства, мы с тобой пойдем на эту встречу на «Дредноуте». Как говорят русские – себя показать и людей посмотреть. Ты уж не обижайся, Джеки, но так уж вышло, что на большее твое детище оказалось неспособно.

20 мая 1908 года. Полдень. Болгария. София. Княжеский дворец на площади Князя Александра I.

С момента детронизации князя Фердинанда прошло пять дней. В Софии отшумели вызванные этим поводом народные гуляния и отгремели дипломатические ноты ближних и дальних, не очень дружественных держав. Франция, Великобритания, Италия и даже Греция с Испанией – все были возмущены и требовали объяснений в меру фантазии жесткости своих антироссийских и антиболгарских позиций. Но больше всего отставка князя Фердинанда встревожила совсем не турецкого султана в Стамбуле (для него этот факт почти ничего не изменил). И самого султана Абдул-Гамида Второго, и его Великого Визиря Мехмед Ферид-пашу больше заботили брожения и неурядицы во Фракии, Македонии и Албании, продолжительное время потрясавшие престарелую османскую державу. Это было смертельно опасно, особенно при том, что турецкие полицейские чиновники и армейские офицеры уже несколько месяцев не получали жалования. К тому же оружие к болгарским партизанам-четникам исправно поступало и при князе Фердинанде, как и русские офицеры-добровольцы. В Стамбуле прекрасно понимали, что любой болгарский политический деятель, кем бы он ни был, лишится головы сразу после того, как обрежет поддержку македонским революционерам. Этот поток можно было сделать больше или меньше, но совсем перекрыть его не представлялось возможным.

Зато в наивысшее возбуждение пришел старый венский маразматик Франц-Иосиф, временно накатавший грозное послание в Софию с требованием вернуть на трон «любезного брата Фердинанда» и жалобную кляузу кайзеру в Берлин о том, как его обижает плохой русский царь. Этот император-старожил, самый старый и долго правящий из ныне здравствующих европейских монархов, был замечателен тем, что во время Крымской (восточной) войны предал еще прадедушку нынешнего русского царя императора Николая Первого, незадолго до этого спасшего Австрийскую империю от развала, грозившего ей из-за мятежа в Венгрии. В результате восстание свободолюбивых венгров было задавлено русскими штыками, а всего пять лет спустя «благодарный» за спасение Франц-Иосиф де-факто выступил на стороне турко-франко-англо-сардинской коалиции. И причиной этого предательства было желание присоединить к Австро-Венгрии еще и территорию Валахии, то есть нынешней Румынии. Более полувека он выживал, паразитируя на страхе Бисмарка и его германских последователей перед раз-

мерами Российской Империи, и теперь по привычке отписался по старому адресу в надежде, а вдруг опять подействует.

Не подействовало. В Берлине прекрасно понимали выгоды от союза с Россией, и поэтому от австрийского жалобщика отмахнулись как от назойливой мухи, а Санкт-Петербург разразился дипломатической нотой, требующей уважать свободный выбор болгарского народа. Министр иностранных дел Австро-Венгерской Империи Алоиз фон Эренталь по слогам читал короткую как удар плетью русскую дипломатическую ноту и не понимал смысла слов «свободный выбор». Как же это возможно – позволить каким-то там болгарам свободно выбирать себе государя? Или эти русские так нагло издеваются: с помощью своих ставленников провели военный переворот и посадили на трон мальчишку-марионетку, за спиной которого стоит верный царский клеврет, и теперь требуют уважать их право на добычу? Болгария не хочет видеть Фердинанда своим князем ни в каком виде, а переход власти к его сыну Борису закрывает все вопросы к легитимности этого процесса. При этом в Европе стало известно, что Великая княгиня Анастасия Николаевна, которая кричала, что болгарский трон следует отдать ее супругу Великому князю Николаю Николаевичу Младшему, помещена под наблюдение врачей в лечебницу закрытого типа с диагнозом «Вялотекущая шизофрения». Ну в самом деле, не может же нормальный человек, подобно пулемету «Максим», выговаривать по шестьсот слов в минуту...

Пока грохотали эти дипломатические баталии и контрбаталии, означенный «мальчишка-марионетка» Борис, а также его брат Кирилл и сестры Евдокия и Надежда проводили время в компании вышеупомянутого царского клеврета и его супруги и в то же время дочери английского короля Виктории Великобританской. Тетушка Тори, добрая душа, вдобавок к собственной двухлетней дочери Елизавете взяла опеку над несчастными сиротками, старшему из которых было четырнадцать лет, а самой младшей девять. Мать этих детей, Мария Луиза Бурбон-Пармская, умерла девять лет назад, а отца у них не было вовсе, поскольку князь Фердинанд этому высокому званию соответствовал мало. Чтобы считаться отцом, мужчине недостаточно просто оплодотворить женщину, бросив в нее свое семя, для этого необходимо воспринимать родившихся детей как неотъемлемую часть себя самого – а этого Фердинанд не умел. Точно так же, как он не умел воспринимать частью себя доставшееся ему в удел Болгарское княжество и его народ. Когда император Михаил говорит, обращаясь к русским людям «дети мои» – это ведь не просто фигура речи, пришедшая из глубины веков, а знак того, что монарх воспринимает свое владение как часть себя, а себя – как часть единого народа.

Этому-то русский адмирал на правах воспитателя и наставника и учит юного болгарского князя, а также его брата и сестер. Монарх должен находиться в резонансе со своим народом, как свои воспринимать его беды, стремления и надежды, и только в таком случае его существование может быть оправдано. И дети, особенно самовластный, но пока ограниченный в правах юный князь Борис, слушают его слова крайне внимательно. Еще бы – ведь адмирал Ларионов – пришелец из будущего, ему открыты многие тайны, победитель японского флота и сподвижник молодого русского императора. Да и те несколько дней, которые болгарские княжеские отпрыски прожили с адмиралом и супругой, кажутся им поездкой на курорт после долгого существования в темной и затхлой тюрьме. Но душой и любимицей детской компании стала двухлетняя Елизавета – дочь адмирала и британской принцессы. Правда, общаться им приходится на немецком языке, потому что адмирал и его супруга не знали болгарского языка, а дети русского. Некоторая схожесть между двумя языками при общении «напрямую» могла стать источником комических ситуаций, ведь фраза «заперди прозорища» при переводе с болгарского обозначает «задерни занавески».

Но сегодня лирика отошла на задний план. Во дворец на площади князя Александра Первого на посольском «Руссо-Балт Дипломате» приехали премьер-министр Болгарского Княжества Александр Малинов и русский дипломатический агент Сементовский-Курилло. Вид у мужчин был деловой и немного встревоженный.

– Ваше княжеское высочество, – сказал премьер, обращаясь к насторожившемуся Борису, – пришло время исполнить задуманное. Народ ждет от вас объявления полной независимости Болгарии.

– От имени моего государя, – добавил Сементовский-Курилло, – официально заявляю, что Российская Империя безоговорочно поддержит провозглашение болгарской независимости и незамедлительно признает вас самовластным царем Болгарии, разумеется, с ограничениями, которые накладывает на вас возраст. Одновременно, в случае провозглашения независимости, я уполномочен предложить вам незамедлительно подписать с Российской Империей Договор о Дружбе, Союзе и Взаимной Помощи, который обеспечит безопасность вверенного вам Богом Болгарского царства и невмешательство третьих стран в его внутренние дела.

– Значит ли это, – звонко спросил юный князь, – что право вмешиваться во внутренние дела Болгарии ваш император оставляет исключительно за собой?

– Однажды, – ответил русский дипломатический агент, – тридцать лет назад Российская империя штыками своих солдат вмешалась в болгарские дела, после чего у болгарского народа появилось собственное государство со всеми его атрибутами...

– Мы, болгары, помним об этом, – сказал Александр Малинов, – и благодарны русскому царю и его народу за то, что они сделали для Болгарии.

– Когда в болгарские дела наконец вмешалась Европа, – добавил Сементовский-Курилло, – то территория Болгарии была урезана вдвое, а сама она оказалась снова в вассальной зависимости от Османской империи. И по сей день после того вмешательства на землях Западной Болгарии льется кровь из-за того, что магометане убивают христиан, а так называемая «просвещенная Европа» смотрит на это сквозь пальцы, озабоченная исключительно сдерживанием Российской империи.

– И это мы тоже помним, – кивнул Александр Малинов, – ну что, государь, решайтесь...

– Я, в общем-то, не против, – ответил Борис и тут же спросил: – Но почему именно сейчас, сразу после того, как вы изгнали моего отца?

– Дело в том, – ответил Сементовский-Курилло, – что сегодня власти Великобритании объявили о предстоящем рабочем визите своего короля и первого лорда адмиралтейства адмирала Фишера в город Ревель, где произойдет его встреча с моим государем. Одновременно туда же засобирается и кайзер Вильгельм с адмиралом Тирпицем.

– Враги, – сказал Александр Малинов, – хотят устроить нам новый Берлинский конгресс, ограничивающий права болгарского народа, а русский царь не сможет их отстаивать, если вы, государь, не объявите о независимости Болгарии.

– Император Всероссийский, – сказал Сементовский-Курилло, – считает, что эта встреча была бы хорошим поводом подвергнуть ревизии статьи пресловутого Берлинского трактата, а то и для полной отмены этого дипломатического недоразумения, ставшего результатом выкручивания рук царю-освободителю Александру Второму. Но это возможно только в том случае, если вы, Борис, будете присутствовать там в качестве полностью самовластного болгарского царя, а не вассального князя Османской империи.

– Я должен присутствовать на встрече трех императоров? – удивился тот.

– А как же иначе? – пожал плечами адмирал Ларионов, – Разве можно решать судьбу Болгарии без самой Болгарии? Ты – первый урожденный болгарский государь; тебе, как говорится, и бросить первую горсть земли на могилу Берлинского трактата. Для начала Россия будет требовать полного уничтожения несправедливого Берлинского соглашения и возвращения к условиям Сан-Стефанского мирного договора.

– Но разве германский кайзер Вильгельм, – спросил Борис, наморщив лоб, – согласится с уничтожением того, что когда-то было создано гением великого Бисмарка?

– Великий Бисмарк, – ответил адмирал, – тоже допускал ошибки, за которые нынешней Германии еще платить и платить. По его инициативе был заключен антирусский австро-

германский союз, втягивавший Германию во всеобщую бойню на проигравшей стороне. Кайзер Вильгельм уже согласился, что это была ошибка, и заменил австро-германский союз русско-германским. На этом фоне признание независимости Болгарии и ее права на Македонию и Фракию кажется кайзеру не столь уж выдающимся подвигом. Ведь Германия ныне не имеет никаких интересов в этой части Европы, а следовательно, ей незачем упираться по этому вопросу. Могу гарантировать, что государь-император Михаил Александрович будет чрезвычайно упорен в этом вопросе, а в таких случаях германский кайзер обычно пасует перед его натиском.

Борис глубоко вздохнул, зажмурился, как перед прыжком в холодную воду, и решительно произнес:

– Хорошо, господа, я согласен. Пусть будет посему. Давайте сюда вашу бумагу о провозглашении независимости, господин Малинов, я ее подпишу. И договор о дружбе с Россией тоже. Надеюсь, господин посол, оба экземпляра у вас с собой?

Пять минут спустя премьер-министр теперь уже Болгарского царства стоял и смотрел на непросохшую еще подпись своего князя на декларацию о провозглашении независимости и экземпляры договора с Россией, от имени императора Михаила подписанные адмиралом Ларионовым и русским посланником Сементовским-Курилло.

– Свершилось! – сказал он с чувством, – благодарю вас, государь. Болгария полностью свободна и даже формально независима от своего старого угнетателя. И вам тоже спасибо, господин адмирал, ведь мы, болгары, знаем, что лично вы и все пришельцы из будущего сделали много для того, чтобы этот день однажды наступил. Кстати, должен вам сказать, что Народное Собрание решило удовлетворить запрос вашего судебного ведомства на выдачу им генерал-майора Данаила Николаева для производства над ним справедливого суда и осуществления наказания.

– Этот деятель, – в ответ на непонимающий взгляд пояснил Борису адмирал Ларионов, – первоначально дал присягу русскому царю, и только потом перевелся в болгарскую армию. Поэтому его действия вразрез российским интересам в Болгарии может и должны трактоваться как измена присяге, со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Он-то об этом факте своей биографии, наверное, уже забыл, а у нас помнят все и даже немного больше. Не можешь держать слова – не клянись, а раз поклялся, так уж держись. От тех, кто предает только для того, чтобы выслужиться перед новым хозяином, в основном и происходит все мировое зло. Россия укрыла у себя семью этого деятеля, взрастила его, дала образование в гимназии на болгарском языке, а потом направила в военное училище, а от него вместо благодарности – лютая ненависть.

– О да, господин адмирал, так и есть, – ответил Александр Малинов, сам тоже человек со сходной судьбой и при этом не безгрешный, но находящийся сейчас на правильной стороне.

На этой оптимистической ноте встреча политических деятелей с новопровозглашенным царем Болгарии закончилась – и они вышли прочь, унося с собой подписанные экземпляры судьбоносных документов. Общение с прессой господин Малинов взял на себя. Ему, как профессиональному краснобаю-адвокату, для которого умение заливаться соловьем перед почтеннейшей публикой важнее знания законов, это было совсем не сложно. Никаких пресс-конференций (вроде той, которую отчебучил принц Георгий) он устраивать не собирался. Просто несколько особо доверенных получают черновики статей, которые им будет дозволено напечатать в этот исторический день.

26 мая 1908 года. Стамбул. Дворец султана Долмабахче.

Владыка Османской империи султан Абдул-Гамид Второй, встревоженный событиями, случившимися в формально вассальной ему Болгарии, вышел из полусонного забытья, навязанного дымом гашиша, и вызвал к себе Великого Визиря Мехмеда Ферид-пашу и министра

иностранных дел Ахмеда Тевфика-пашу. При этом следует отметить, что оба эти государственных деятеля отнюдь не были османами. Великий визирь по происхождению был турко-албанцем, а министр иностранных дел – крымским татарин из рода Гиреев. Нация, поднявшая на своих плечах Османскую Порту, к началу двадцатого века пришла в полный упадок, и ее остатки влачили жалкое существование среди потомков разноязыких народов и авантюристов всех мастей, сменивших веру на карьеру. Задыхаясь в миазмах собственного гниения, Большой Человек Европы медленно умирал, мучаясь сам и мучая подвластные ему народы.

Тем страшнее для султана звучали барабаны войны, доносящиеся из-за не столь далеких границ Болгарии, Сербии и Греции. Только что три этих страны при посредничестве из Петербурга подписали документы о заключении так называемого Балканского Союза и теперь радуются этому обстоятельству будто дети. И как дети они бьют в барабаны и стреляют в воздух, показывая этим свою лихость и готовность отомстить старому врагу. Сегодня, когда эти мелкие народы усилились, а их бывшие владыки ослабели, болгары, сербы, греки и даже албанцы не забыли пятьсот лет османского ига, убийств, насилия и грабежа, и теперь готовятся сторицей возместить османам все пережитое их предками.

На противоположном берегу Черного моря тоже беспокойно. Хозяин там куда серьезнее, чем его балканские младшие братья, и поэтому собирается на войну без лишней суеты и воинственных возгласов. Части постоянной готовности, которых в русской армии почти половина, получают новое оружие и снаряжение, регулярно проводят батальонные и полковые учения и готовятся, готовятся, готовятся... Правда, главные шайтаны – десантный корпус Бережного – пока остается в месте своего постоянного расквартирования на Балтике, но прошлые годы показали, как быстро он может перемещаться по железной дороге между театрами боевых действий, чтобы с марша сразу броситься в бой. Вот и сейчас не за горами пора летних маневров, когда дикие башибузуки в черных беретах попрыгают в вагоны, чтобы через некоторое время выгрузиться в Одессе, Херсоне или Николаеве – отправной точке будущего десанта в Проливы. А может, и не в Проливы; возможно, они выгрузятся в Варне и ударят по Османской Империи вместе с болгарской армией со стороны суши.

К тому же год назад вице-адмирала Скрыдлова, хорошего хозяйственника и храброго офицера, но посредственного флотоводца, на посту командующего Черноморским флотом сменил добрый знакомец пришельцев из будущего контр-адмирал Эбергард. С тех пор русские моряки-черноморцы позабыли про покой и сон. Учения сменялись тревогами, а тревоги учениями. С наступлением теплой погоды Черноморский флот все чаще стал выходить в море в полном составе, отрабатывая как общую сплаванность, так и учебные стрельбы по морским и береговым целям. В основном как раз по береговым. Агенты турецкой разведки, которых среди крымских татар было превеликое множество, докладывали, что русская эскадра отрабатывает всего один прием – атаку с ходу береговых батарей в горле Босфора и Дарданелл. Орудия главного и среднего калибров броненосцев и крейсеров садят по береговым мишеням фугасными снарядами образца 1906 года так, что вздымаются вверх обломки скал и летит во все стороны щепа от деревянных макетов. Дым, пыль и ужас, будто сам Азраил выбрался из ада полюбоваться на дело рук своих любимых детей. Команды кораблей оттачивают умение огнем и металлом подавлять всяческое сопротивление на береговой линии и тем самым обеспечивать высадку десанта.

После получения таких сведений внизу живота у османских министров делается дурно, ибо они представляют себе русскую морскую пехоту и злых до предела болгарских солдат, которые под прикрытием двенадцатидюймовых «чемоданов» режутся с турецкими аскерами на узких улочках Стамбула. А ведь все так и будет. Если армия еще что-то собой представляет и способна подавлять восстания христианского населения или под натиском европейских армий с арьергардными боями отступить вглубь страны, то флот не годится никуда. Турецкие боевые

корабли – все как один современники прошлой русско-турецкой войны и без поддержки германских или британских союзников не представляют реальной боевой силы.

Заказ броненосцев и крейсеров на британских верфях стоит огромных денег, а переговоры о покупке выведенных год назад в резерв германских броненосцев серии «Бранденбург» сорвались в самом начале из-за союзнического вето Петербурга. Германский кайзер с потрохами продался русскому царю: видимо, в Петербурге ему пообещали полное содействие в строительстве железной дороги по линии Берлин-Стамбул-Багдад-Басра. Скорее всего, у германцев просто лопнуло терпение. В 1877 году Deutsche Bank приобрел железную дорогу Стамбул-Измит с правом продолжения линии до Анкары и впоследствии до Багдада, с тех пор прошло больше тридцати лет германо-турецких переговоров, а воз и ныне там. За это время американцы связали железными дорогами берега двух своих океанов, а русские протянули Великий Сибирский Путь от Урала до Тихого океана. А у немцев с Турцией – бесконечные переговоры, ибо даже у германских банкиров не хватает денег насытить взятками ненасытные глотки османских чиновников.

Да, времена для Османской Империи сейчас нелегкие, ведь даже истово ненавидящая русских Британия не готова прийти на выручку Стамбулу вооруженной силой. Да она вообще никак не готова прийти туркам на выручку, и то же можно сказать о Франции. Италия, напротив, внимательно присматривается к принадлежащей османам Ливии и задумывается, не пора ли откусить этот жирный кусок для себя, любимой. А то у соседней Франции уже есть Алжир и Тунис, у Испании – Марокко, у англичан – Египет, а вот Италия пока ничем не прибараклилась. Самое же время, господа, пока русские будут рвать на куски Оттоманскую порту, схватить лежащий на отшибе кусок и утащить в свою нору...

– Мой господин, – кланяясь, сказал султану Ахмед Тевфик-паша, – в грядущей войне Великобритания готова оказать нам только моральную поддержку. На словах английские дипломаты будут осуждать агрессию Балканского альянса, а на самом деле единственной их заботой будут одни лишь вечные британские интересы. Британский король в ближайшее время собирается встретиться в Ревеле с русским царем и германским кайзером. Думаю, что там он займется излюбленным занятием всех мошенников – продажей того, что ему не принадлежит и никогда не принадлежало. Не стоит забывать, что любимая дочь короля замужем за русским адмиралом Ларионовым, который по странному совпадению является сейчас главой регентского совета, осуществляющего опеку над юным болгарским князем. Как говорят в таких случаях русские – ворон ворону глаз не выклюет. Помимо того, что адмирал Ларионов является главой пришельцев из другого мира и вторым по богатству человеком Российской империи, он еще и один из ближайших советников молодого русского царя, который слушает его чуть ли не как второго отца.

– В грядущей войне, о повелитель правоверных, – добавил Великий визирь Мехмед Ферид-паша, – наше положение будет даже хуже, чем тридцать лет назад. Наша страна разорена, торговля находится в упадке, дехкане бедствуют, а армейские офицеры и полицейские чиновники уже полгода не получали жалования, ибо в казне нет даже бумажных денег. Государство османов охвачено смутой и неурядицами, в Румелии и Фракии неверные восстали против власти султана. Если раньше греки, сербы и болгары по большей части грызлись меж собой, то теперь вся их ярость направлена против османских солдат и сборщиков налогов. В означенных областях наша армия удерживает только контроль над городами и путями сообщения, а глухие горные села и целые уезды находятся во власти повстанцев, которые получают поддержку оружием и опытными офицерами от Российской Империи. При этом наши враги сильны как никогда. Проклятое государство русских гяуров поднимается буквально на глазах, будто опара на хороших дрожжах, а единственным нашим союзником по факту является империя Габсбургов, утратившая поддержку Германии и оставшаяся в полном одиночестве. Если австрийцы ударят по сербам и болгарам с тыла, то их ждет сокрушающий разгром после удара

со стороны русской армии. А если к русским присоединятся германцы, которым не впервые атаковать бывших друзей, разгром австрийской армии и государства превратится в избиение младенцев.

Выслушав все это, султан Абдул-Гамид Второй поднял глаза вверх, обратившись к Всевышнему с короткой молитвой. Да-да, это именно тот самый Абдул-Гамид Второй, который правил Османской Империей в те времена, когда она вела войну с Россией за контроль над Болгарией. Как обычно водится в таких случаях, в тот раз от войны выиграли те страны, которые в ней вовсе не участвовали: Австро-Венгрия, получившая Боснию и Герцеговину, а также Британия, обосновавшаяся на Кипре. Болгария, которая и была предметом спора, подпала под контроль все той же Австро-Венгрии.

И все бы хорошо, но тридцать лет назад Абдул-Гамид был тридцатилетним мужчиной с самым расцвете сил, не лишенным некоего лоска и шика, а сейчас перед министрами сидел дряхлый старик со сгорбленной спиной и трясущимися руками. Султана измучил не только его возраст. Все эти тридцать лет он, опасаясь заговора или военного переворота, которые должны были лишить его престола и жизни, провел взаперти в своем дворце Долмабахче, показываясь народу только раз в год, когда султан обязан торжественно шествовать в мечеть, а потом принимать своих сановников. Но в каждом приближенном мог скрываться предатель, за каждым кустом сидеть убийца, а умники из образованных неизменно строили прожекты, превращающие Османскую Империю в конституционную монархию или даже республику. Из-за этой параноидальной подозрительности султанский дворец оказался наводнен стражей, страна – полицией, а сам повелитель правоверных оказался на грани того состояния, в котором простых смертных увязывают в смиренную рубашку и начинают поливать холодной водой, потому что других методов борьбы с психическими заболеваниями медицина начала двадцатого века не знает.

– Неужели все обстоит так плохо, как вы тут сказали, безродные собаки? – обратился султан к своим министрам угрожающим тоном, едва закончив молиться. – Неужели народ османов настолько ослабел, что более не способен побеждать неверных? Неужели мы зря усиливали армию и давали нашим офицерам первоклассное военное образование? Неужели мы напрасно оборудовали оборонительные позиции на Чаталжинском рубеже по последнему слову европейской техники? Неужели наши батареи на Босфоре потеряли свою мощь и более не смогут отразить нападение русских броненосцев? Неужели мы тридцать лет зря вкладывали деньги в армию? Неужели мои аскеры не могут взять миллион или два болгар, сербов, армян или греков и пригрозить русскому царю и его прихвостням, что эти люди будут убиты, едва на наших границах прозвучит первый выстрел? Неужели наши друзья в Европе забыли о том, что как только русский царь захватит Черноморские проливы, то тут же наводнит Средиземное море своими кораблями? Молчите? Необходимо провести мобилизацию и подготовить армию к большой войне. Сообщите всем, что если все против нас, то я объявляю газават – священную войну против всех неверных! Всех без исключения. Никто из них не должен чувствовать себя в безопасности. А теперь идите прочь, вы оба, и возвращайтесь только с хорошими новостями!

Как только пятящиеся Великий визирь и министр иностранных дел, не смея возразить своему повелителю ни единым словом, покинули залу для приемов, немного остывший Абдул-Гамид подумал, что зря он на них так орал. Оба преданы ему как собаки, и так же, как собаки, в меру глупы и недалёковидны. Но ничего не поделаешь: стоит взять какого-нибудь умника – и он непременно вляпается в заговор, поскольку любому умному человеку очевидно, что так дальше жить нельзя. Очевидно это и самому султану, но, в отличие от молодых умников, у него есть жизненный опыт и он понимает, что путь Османской Империи похож на железную дорогу, рельсы которой ведут прямо в джаханнам⁴. Можно ехать по ней быстрее или медленнее, тор-

⁴ Джаханнам – ад в исламе.

мозить или торопить события. Но нет возможности сойти с пути, сдвинуться вправо или влево, а неумолимые рельсы неизбежно приведут прямо в пылающую геенну. Реформаторы, которые называют себя младотурками, при этом глупы до невозможности, ведь любые попытки перестроить жизнь османов по европейскому образцу, ввести парламент, конституцию и прочие достижения прогресса только ускоряют движение по дороге в пекло. Чем больше суеты и всяческих модернизаций, тем быстрее катят по железным рельсам колеса. Именно поэтому он, султан, тихо и незаметно противился постройке железной дороги из Стамбула в Багдад и Басру и на тридцать лет поставил на прикол османский флот. Ведь все эти европейские машины, паровозы, пароходы и прочие – от нечистого, ибо про них, рычащих огнем и дымом, ничего не сказано в Коране, а если что и сказано, то не самое лицеприятное.

Прежде Абдул-Гамид надеялся, что худшее случится уже после его смерти, и из всех сил тормозил бег неумолимого времени, но, видимо, на небесах решили, что пришло время конца света, и выпустили в мир тех, кто должен изменить его до неузнаваемости, и Османская Империя станет одной из жертв этих изменений. И русский император Михаил, сочетающий храбрость льва, хитрость лисы, прозорливость орла и терпение змеи – один из могильщиков всего того, что было дорого последнему турецкому султану. Но сначала выступят те, кто попытается спасти Османскую империю, а вместо того окончательно ее погубят. Что же – он старый человек и ему уже все равно. А кроме того, у него есть средство, которое позволит не чувствовать боль в то время, когда гяуры железными зубами будут рвать на части его страну, а потом и его самого.

Хлопнув в ладоши, султан вызвал из небытия слугу, который принес ему уже разожженный кальян, заряженный смесью из лучшего табака и гашиша. Лучшее средство от невроза. Если конец неизбежен, его ожидание можно хотя бы отчасти смягчить наркотическими грезами. Всего пара затяжек ароматным дымом, прошедшим через бензоевую воду – и жизнь вокруг снова светла и прекрасна, а сам он в этих грезах вновь молод и беззаботен...

30 мая 1908 года. Российская империя. окрестности Ораниенбаума, военный городок «Красная горка» пункта постоянной дислокации балтийского корпуса морской пехоты.

Наследный принц Сербии королевич Георгий Карагеоргиевич.

Уже три недели я нахожусь в Ораниенбауме и состою в почетной должности ученика воина. Воином я называю генерал-лейтенанта русской армии Вячеслава Николаевича Бережного, героя разгрома японской армии в Корее и десанта на Окинаву. Это были воистину героические дела, но иногда мне кажется, что этот подтянутый сухощавый русский генерал, чем-то похожий на Суворова в мгновенья его славы, есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Война с Японией была выиграна в основном на море в первые дни с момента начала конфликта, а разгром успевших высадиться на Корейском побережье японских армейских частей больше походил на торопливое избиение полицейскими пойманного с поличным на месте преступления мальчишки-карманника, чем на регулярное сухопутное сражение. Высадка на Окинаву, разумеется, могла бы считаться образцом десантной операции, но этому ощутимо мешало отсутствие сопротивления с японской стороны. Вооруженное копьями ополчение и устаревшая на тридцать лет артиллерия в береговой обороне – это не сопротивление, а только видимость, тем более что артиллеристы и ополченцы предпочли разбежаться, едва загрохотали большие пушки русских броненосцев. Таким образом, за генерал-лейтенантом Бережным можно признать только наличие организационных талантов, благодаря которым он из разрозненных подразделений в кратчайшие сроки сформировал бригаду, а потом развернул ее в корпус – и не более того.

Но тем не менее русский император в порыве откровенности сказал мне, что этому человеку совсем не трудно расчленить зловредную Австро-Венгрию на отдельные порционные

куски – стало быть, у него есть основания делать такие заявления. При ближайшем рассмотрении Вячеслав Николаевич произвел на меня впечатление человека, отбрасывающего сразу несколько теней. Из разговоров некоторых офицеров, причастных к великим тайнам, я уже знаю, что наш мир – не единственный, что был благодетельствован пришествием эскадры адмирала Ларионова. Были и другие – и в числе их тот мир, в котором сумрачный тевтонский гений поставил все человечество на грань тотального уничтожения. Возможно, эта уверенность императора Михаила в особых военных талантах своего зятя вызвана как раз тенью другого мира, где все было гораздо страшнее, чем у нас...

От таких мыслей у меня, простого сербского принца, кружится голова. Мне довелось встретиться с людьми, жившими более чем сто лет спустя от настоящего момента и получившими напутствие Высших Сил: «Поступай по совести». И я хожу среди них, пожимаю им руки при встрече, обедаю с ними в одной столовой, учусь у них военному делу самым настоящим образом, как прежде еще никогда и ни у кого не учился.

При этом самым главным шоком для меня оказался сам балтийский корпус морской пехоты, при котором я по решению императора Михаила должен состоять в преддверии грядущих событий на Балканах, чтобы успеть научиться всему, чему можно научиться за такое короткое время. Меня поразили, с одной стороны, невероятно свободные, почти либеральные, отношения между нижними чинами и господами офицерами, с другой стороны – фанатичная преданность этих нижних чинов государю-императору и своему командиру. И это несмотря на то, что многие из солдат-морпехов являются членами оппозиционной социал-демократической партии большевиков, так и не убравшей из своих программных документов требования о низвержении самодержавия. Более того, подобных солдат, неблагонадежных с политической точки зрения, специально направляют для прохождения службы в это элитное соединение русской армии. Парадокс... Да только вот вся нынешняя Россия, когда я сравниваю ее тем, что видел в прошлый свой приезд, кажется мне состоящей из одних парадоксов. Будто в одном и том же месте совместились даже не две, а целых три страны: Россия, что была прежде, Россия, которая будет потом, и та Россия, которой, стараниями пришельцев из будущего, теперь никогда уже не будет.

Но как бы это ни было удивительно, я чувствовал себя в этой парадоксальной ситуации даже лучше, чем обычно. Люди тут прямые, откровенные и не прячут свои мысли и чувства за политесами, как принято делать в свете. Белое тут называют белым, черное – черным, храбреца – храбрецом, а труса – трусом. Кстати, по поводу храбрости... Как сказал генерал Бережной при нашей первой встрече – храбрость дана на войне командующему для личного употребления. Генерал, который героически погиб, поднимая в штыковую контратаку батальон или полк⁵, на самом деле допустил грубую ошибку. Выполняя работу младшего по званию, он оставил вверенные ему войска без грамотного руководства, чем, скорее всего, способствовал успеху противника. Главная задача офицера, от взводного командира и до генерала – перехитрить, передумать врага, суметь разгадать его замысел на своем участке ответственности и с минимальными затратами сил привести его к полной неудаче. Выдержка и точный расчет нужны командиру даже больше, чем храбрость.

И вот, сразу после встречи со своей будущей невестой я окунулся в изнурительные тренировки. Первые несколько дней были заполнены марш-бросками в полной выкладке и тактическими учениями, во время которых я исполнял обязанности помощника взводного командира – то есть был вынужден делать все то же, что и нижние чины. Потом, когда с меня сошло семь потов и я хотя бы краем попробовал «настоящей службы» (хотя и прежде никто не мог

---

⁵ В ходе Первой Мировой Войны нашего мира королевич Георгий Карагеоргиевич получил два тяжелых ранения, поднимая в атаку войска. В нашей версии реальности от него по большому счету ничего не зависело, но в мире царя Михаила положение уже поменялось, и поэтому генерал Бережной говорит будущему сербскому королю о вреде излишней храбрости.

назвать меня неженкой), эти занятия стали перемежаться тактическими играми и ежедневными занятиями рукопашным боем. Против последнего я пробовал протестовать, говоря, что мне не нужны подобные премудрости, так как я и без того могу за себя постоять. Но генерал Бережной со скучающим лицом объяснил, что это делается не для того, чтобы сделать из меня великого бойца, а чтобы воспитать в моей буйной натуре выдержку и терпение, которых мне очень изрядно не хватает. А то, что я и так не неженка, метко стреляю и хорошо фехтую, идет мне только в плюс.

Кстати, сабли в морской пехоте не используют. По форме одежды господа офицеры ходят с кортиками, что для меня непривычно. Впрочем, в современной войне сложно вообразить ситуацию, когда пехотному офицеру могла бы пригодиться его сабля. Даже для самообороны длинной и неудобной пашкой затруднительно воспользоваться в стесненном положении: в окопе или в сражении в тесной городской застройке, с этой точки зрения, кортик не только легче по весу, но и практичнее. Что касается нижних чинов, то им, если придется резаться с врагом глаза в глаза, по штату положены специальные штурмовые ножи и саперные лопатки, с которыми они управляются с невероятной ловкостью. Зато я превосходил многих и многих в стрельбе из длинноствольной винтовки, укороченного карабина, а также пистолета. Разумеется, офицеру это искусство сверхметкой стрельбы нужно также исключительно в целях личного употребления. Даже взводному командиру крайне неразумно заменять собой в цепи выбывшего стрелка, разве что за исключением случая, если его целью станет как минимум вражеский генерал.

Кстати, мои телохранительницы тоже находятся поблизости. Тут, в военном городке, есть особая женская казарма, где проживает немногочисленный персонал корпуса противоположного пола, и я несколько раз как бы случайно пересекался с этой парочкой то на стрельбище, где они совершенствовали свои навыки в стрельбе из автоматического пистолета и карабина, то в специальном зале для занятий рукопашным боем. Посмотрев на их тренировки, с уверенностью могу сказать, что если бы им и в самом деле пришлось защищать мое драгоценное тело от разнообразных злоумышленников, то они бы точно не подвели. В стрельбе хоть Анна, хоть Феодора уступают мне совсем немного, а в рукопашном бою превосходят на голову. Разумеется, я лучше их обеих владею саблей, но мне и в страшном сне не могла прийти идея предложить своим «сестренкам» пофехтовать. При этом, хоть эскорт-гвардия входит в состав ГУГБ, а не подчиняется армейскому командованию, я не заметил, чтобы местные офицеры относились к моим телохранительницам с пренебрежением, с каким прежде армейские, а особенно гвардейские офицеры относились к жандармам. И тем более не ощущалось того превосходства, с которым сильный пол смотрит на девиц.

Правда, последнее более-менее понятно. Сейчас, обмундированные в полевую форму, которая привычна им как вторая кожа, «сестренки» ничем не напоминают пугливых гимназисток, которыми они предстали во время нашей первой встречи. Смеясь, они сказали, что все офицеры эскорт-гвардии, независимо от пола, часть своего так называемого «базового обучения» проходят в специальном учебном центре при корпусе генерала Бережного. И не только они. И сейчас у моих телохранительниц выдался случай вне графика отточить подзабытые навыки, которые им наверняка пригодятся, когда они будут сопровождать меня на дорогах грядущей войны. Ведь я сам настаивал на долговременном контракте, а значит, теперь им придется следовать за мной повсюду, и если придется вытаскивать мою тушку из-под вражеского огня, перевязывать на ней раны. Вот так, принц Георгий, хотел долговременного контракта — получи и распишись. Впрочем, и в любом другом случае рядом со мной в любой опасной ситуации непременно должна была оказаться пара девушек, или, может быть, молодых людей, которым вменялось бы даже ценой своей жизни хранить мое тело от повреждений. На меня делали ставку как на будущего короля Сербии, а следовательно, мои желания или нежелания не принимаются в расчет, ибо дело прежде всего.

Характер у меня прямой и вспыльчивый, к тому же я не простой прохожий, а наследный принц Сербии, поэтому за разъяснением сложившегося положения я обратился прямо к господину Бережному. Он был единственным находящимся поблизости пришельцем из будущего из числа тех, что имеют право принимать решения и отвечать на мои вопросы.

– Господин генерал-лейтенант, – сказал я, – объясните, пожалуйста, почему ради моей безопасности кто-то обязательно должен рисковать жизнью, да еще и на войне? Я взрослый человек и сам могу позаботиться о себе, без того чтобы подставлять под пули кого бы то ни было...

Тот посмотрел на меня с легким сожалением. Примерно как на юнца, которому вожжа попала под хвост.

– Господин подпоручик, – сказал он после некоторой паузы, – должен вам напомнить, что в армии приказы не обсуждаются, а выполняются, и с этим поделаться ничего нельзя. Если вы хотите счастья своему народу и процветания своей стране, то, как истинный серб, будете делать все для этого необходимое. Ведь вы не просто офицер и мужчина, а человек, в котором сошлись все надежды вашей Родины. Кроме всего прочего, те, кто рискует жизнью ради сохранности вашего тела, добровольно выбрали эту стезю и принесли нашему императору офицерскую присягу. Не надо их жалеть. Держите под контролем свои эмоции, не рискуйте понапрасну – и тогда им, скорее всего, тоже не придется умирать. Это все, что я могу сказать вам как генерал-лейтенант, господин подпоручик. Но если вы хотите чисто человеческого разговора, то давайте без чинов. Я буду называть вас Георгий, а вы обращайтесь ко мне – Вячеслав Николаевич.

Эти слова, сказанные каким-то отеческим тоном, успокоили меня и настроили на примирительный лад.

– Да нет, Вячеслав Николаевич, – ответил я, – я все понял и постараюсь исправиться. Примерно то же мне уже объяснял господин Бесоев, который по заданию вашего императора сопровождал меня на пути из Софии в Санкт-Петербург. Он также говорил, что если я не сумею занять трон, то мою страну ждут большие беды. Но я не склонен доверять жандармам или, как их у вас теперь называют, гебистам. Они всегда себе на уме и никогда не говорят правду. Не может быть такого, что кроме меня никто не смог бы унаследовав трон и привести Сербию к процветанию.

– Я знаю Николая Бесоева, – сказал генерал Бережной, – это мой ученик. Быть может, один из лучших. И ты зря ему не поверил. Он, как и ты, один из честнейших людей, которых я знал. У вас, сербов, большая проблема с хорошими лидерами. Ты способен объединить вокруг себя народ, а твой младший брат Александр – нет.

Этот ответ буквально выбил меня из колеи. Картина мира, которую я успел построить в своей голове, разрушилась с легким хрустальным звоном.

– Подполковник Николай Бесоев – ваш ученик?! – воскликнул я. – Такой представительный молодой мужчина кавказской наружности, внешне похожий на аристократа, но с повадками опытного волка...

– Да, Георгий, – ответил мне генерал Бережной, – это он. Понимаешь, армейские офицеры, имеющие призвание к разведывательной и оперативной работе, довольно часто переходят на службу в ГУГБ, и Николай был одним из первых, кто пошел по этому пути. И не путай, пожалуйста, жандармов с гебистами: если первые защищают только власть, неважно, хорошая или плохая, то вторые оберегают страну от любых напастей, за исключением стихийных бедствий и вторжения вражеских армий. И они такие же офицеры, как и те, что служат императору в строю рот и батальонов, также приносили присягу и также готовы отдать жизнь за Россию и ее интересы. И твои телохранительницы тоже достойны того, чтобы ты уважал их за храбрость, и совсем не заслужили твоей жалости, потому что она унижает.

– Понимаете, Вячеслав Николаевич, – неожиданно для себя самого сказал я, – будь я не сербским наследным принцем, а простым армейским подпоручиком, то, не задумываясь, женился бы хоть на Анне, хоть на Феодоре, хоть, после перехода в магометанство, на обеих сразу. Но я принц, а потому начинаю уже жалеть о том, что попросил о долговременном контракте, с одной стороны, взяв на себя дополнительные обязательства, а с другой стороны, подвергнув небезразличных мне людей дополнительному риску. Я вообще не хочу, чтобы кто-нибудь рисковал ради меня своей жизнью, и сложившаяся ситуация приводит меня в определенное отчаяние... Ведь впереди у меня война, во время которой у тех, кто меня будет сопровождать, шансов погибнуть гораздо больше, чем во время простой поездки из Софии в Санкт-Петербург.

– Я уже дал тебе совет, Георгий, – пожал плечами генерал Бережной, – и могу только его повторить. Не рискуй понапрасну своей головой, и тогда твой эскорт тоже избежит от лишнего риска. Ну а насчет женитьбы хоть на любой из них, хоть на обеих сразу ты должен сказать им сам, ведь с твоей стороны это очень высокая оценка. Но, если перефразировать древнегреческую поговорку, то не все, что позволено быку, допустимо для Юпитера. Делай что должно, и пусть случится что суждено. Другого совета у меня для тебя нет.

5 июня 1908 года. за час до полудня, Ораниенбаум. Верхний парк, окрестности Китайского дворца⁶.

Теплым солнечным полднем по парковым аллеям прогуливалась не менее теплая компания. Нет, собравшиеся для решения важных мировых вопросов были тверезые до неприличия, просто между собой эти люди держались не как случайные знакомые и не как начальник и подчиненные, а как друзья и единомышленники. В центре композиции – император Михаил Второй (в зависимости от политического настроения публики называемый то Великим, то Лютым) и его верные клеветы: тайный советник Александр Тамбовцев и единственная пока женщина-генерал Нина Викторовна Антонова. По правой стороне от этой компании идет адмирал Ларионов со своим воспитанником, четырнадцатилетним болгарским царем Борисом, а по левой – генерал Бережной вместе с двадцатидвухлетним сербским наследным королевичем Георгием. В этой компании не хватает только подполковника ГУГБ Мехмеда Османова. Но у него уважительная причина. Он инкогнито выехал в Османскую империю с целью организовать ликвидацию некоторых одиозных в нашем мире личностей. Вот, например, Мехмед Талаат-паша – на данный момент мелкий почтовый чиновник в Салониках и в то же время в нашем мире один из виднейших деятелей младотурецкой революции и кровавый палач армянского народа. И он такой там не один.

Кстати, телохранительницы Георгия, которые заступают в сопровождение каждый раз, когда он покидает военный городок корпуса морской пехоты, держатся поодаль от основной группы, за пределами слышимости. И хоть королевич не откровенничает со своими «сестренками» по поводу разных великих тайн, но даже без этого, имея с ним постоянный контракт, девочки попадают в число секретноносителей высшей категории. А посему в эскорт-гвардии они теперь только числятся. Нина Викторовна Антонова самолично провела беседу с обеими подпоручицами и признала их годными для перехода на следующую служебную ступень. Еще не специальные исполнительные агенты, но и уже не простые телохранительницы. Еще бы – ведь девочки настоящие красавицы, спортсменки и комсомолки (то есть, простите, дворянки). Будущие фрейлины сербской королевы – это не только источники информации, приближенные к эпицентру сербской политики, но и потенциальные агенты влияния и пример для подражания образованным сербским девицам. Чтобы сербы смотрели на все исходящее из России

---

⁶ Одноэтажное здание, на современный взгляд больше напоминающее провинциальный дом культуры.

как на самое лучшее. Вот и еще один инструмент мягкой силы, в дополнение к твердой силе русского оружия.

Компания остановилась на берегу Китайского пруда и стала делать вид, что внимательно рассматривает статую Пророк Иона. При этом генерал Бережной чуть заметно усмехнулся.

– Чему вы смеетесь, Вячеслав Николаевич? – с едва заметным раздражением спросил император Михаил.

– А дело в том, Михаил Александрович, – ответил Бережной, – что вы уже почти час нас водите кругами по этому парку, аки Моисей водил евреев по пустыне, и явно все никак не можете решить, где находится та самая Обетованная Земля, на которой нам будут поведаны Великие Откровения.

– И в самом деле, – смутился император, – я лишь хотел найти такое место, где нас даже случайно не смогут услышать посторонние уши. Даже моя охрана. Тут каждый куст может оказаться сотрудником Дворцовой полиции.

– Тогда, – сказала Нина Викторовна, – это место ничуть не хуже других. С одной стороны от нас пруд, с другой, до самого Китайского дворца, открытый газон. До ближайших кустов в обе стороны метров по двадцать пять. Если мы не будем кричать и размахивать руками, как экспрессивные испанцы, то все сказанное между нами останется тайной.

– Ну хорошо, Нина Викторовна, – согласился Михаил, – давайте поговорим здесь. А может, я и в самом деле перемудрил, и вся эта секретность призвана скрыть то, что уже завтра станет секретом Полишинеля. Одним словом, товарищи и некоторые господа, я собрал вас всех для того, чтобы согласовать наши позиции перед послезавтрашней встречей в верхах. Собственно кайзер с Тирпицем придут в Ревель уже завтра утром. Если король Эдуард Седьмой решил прибыть к нам на «Дредноуте», а у кайзера своя игрушка того же класса еще не на ходу, то яхта дядюшки Вилли «Гогенцоллерн» дошла только до Либавы, где он пересел в мягкий вагон литерного поезда...

– Так значит, – сказал адмирал Ларионов, – мой тесть решил провести переговоры, так сказать, с позиции силы? Он в белом на «Дредноуте», а остальные – бедные сиротки... Так! С дорогого тестюшки и его верного сподвижника необходимо срочно сбить спесь, а то недалеко и до беды!

– Виктор Сергеевич, – с интересом спросил Михаил, – вы что-то задумали?

– Да, – ответил адмирал Ларионов, – задумал. Атака учебными торпедами с «малюток» и бомбовый удар с пикирования. Только вот в чем незадача. «Утенок»⁷ поднимает бомбу в пятьдесят килограмм, «ишачок»⁸ – в сто, но для «Дредноута» это несерьезно и, кроме того, время для их дебюта еще не настало... Официально вся наша авиация сейчас состоит из этажерок на конном старте.

– А ты, Виктор Сергеевич, – быстро сказал генерал Бережной, – подними «сушку» с лучшим пилотом, и пусть он покажет мастер-класс по забиванию болванок в палубу «Дредноута».

– Атаковать «Дредноут» даже учебными бомбами запрещаю, – быстро сказал император Михаил. – Ну и что, что они не взрываются? Даже деревянный макет, грохнувшись о палубу рядом с группой людей, способен поубивать кучу народа, а остальных сделать калеками. Прибьете мне случайно дядю Берти, потом греха не оберешься. Я прямо сейчас отдам приказ подготовить какую-нибудь баржу, заполнить ее пустыми бочками или чем-то похожим, и оставить на видном месте на рейде. Пусть ваш кавказский воздушный снайпер Гуссейн Магомедов бомбит ее в свое удовольствие и без всякого риска для престижа Российской империи. Я сам перейду на «Дредноут» с «Алмаза», чтобы иметь возможность на месте комментировать дяде

---

⁷ «Утенок» – местный аналог У-2, учебно-разведывательный биплан.

⁸ «Ишачок» – аналог истребителя И-5. В данной версии истории по причине отсутствия наличия боевых самолетов противника – разведчик, бомбардировщик и штурмовик.

и адмиралу Фишеру ход предстоящего авиационно-морского представления. Ну очень хочется полюбоваться на их лица в момент, когда они поймут, что для нас их «Дредноут» – просто плавающая мишень... И труба у них после этого на переговорах станет пониже, и дым из нее пожиже. Но лишь бы ваши люди не подвели. Все надо сделать как под куполом цирка – в меру лихо и красиво. А в самом конце, побарабанив «Дредноуту» учебными торпедами в борта, «малютки» должны всплыть и раскланяться. Чтобы публика видела, что атаковали их не «Алроса» с «Северодвинском», а подводные миноносцы нашей собственной постройки.

Бережной с Ларионовым переглянулись.

– Будет вам шоу, ваше императорское величество, – с усмешкой сказал адмирал Ларионов, – и еще какое! Только не забудьте взять с собой на «Дредноут» вашего дядюшку Вилли и его друга Тирпица. А то как бы, построив свои «Мольтке», они не возгордились сверх всякой меры. Пусть знают, что в случае чего у нас найдется управа и на монстров их Хохзеефлотте. Но только, пожалуйста, оставьте «Алмаз» в покое. Девятнадцать узлов максимального хода – сейчас это ни о чем. Да и вид у него допотопный. Для наибольшей солидности и уверенности, что гости от вас не убегут, возьмите «под седло» «Адмирала Ушакова» из состава моей эскадры. Кстати, кайзера Вильгельма и адмирала Тирпица тоже давно пора было прокатить на настоящем корабле из будущего.

– Да, – согласился император, – это отличная идея. Показать, что ваши корабли еще вполне на ходу и одновременно посадить, так сказать, двух зайцев в одну клетку. А то мне кажется, что дядя Берти хотел на этой встрече сравнить нас с Вильгельмом. Пусть немного отведает своей же собственной стряпни.

– Так вы думаете, Михаил, – спросила Антонова, – что ваш дядюшка Берти прибежал к нам на запах вкусного, чтобы помочь нам, сырым, разделить шкуру неубитого турецкого медведя?

– Что-то вроде того, Нина Викторовна, – кивнул Михаил. – После событий в Софии в Лондоне почуяли наш интерес к Поливам и встреपнулись. Но поскольку спасти Османскую империю себе дороже, дядюшка Берти решил, что львиная доля турецкой шкуры за содействие должна отойти как раз к Британии. Как говорили у вас в будущем, «на халяву».

– Перетопчется! – усмехнулся Бережной. – Халява у нас только в мышеловке, к тому же одобренная отборным ядом. Крысы потом на бегу дохнут.

– Так и я о том же, – поддержал своего зятя император. – Но дядюшку Берти мы травить не будем. Родня как-никак. Необходимо только показать ему, что тут не подают. При убиении Больного Человека Европы и разделке его туши мы обойдемся без британских услуг и одобрительных возгласов.

Принц Георгий неожиданно поднял руку, словно прилежный ученик на уроке.

– Михаил, – сказал он, – дозволено ли мне будет высказать свое мнение?

– Разумеется, Жорж, – ответил русский самодержец, – и давай без этих гимназических штучек. Я уже знаю, что ты достаточно зрелый молодой человек, и поэтому по делу можешь говорить свободно.

– А я, кузен, – неожиданно сказал юный царь Борис на немецком языке, – тоже могу свободно высказывать свое мнение? Я, конечно, еще плохо понимаю по-русски, но ведь я настоящий болгарский царь, а не просто наследный принц...

– Знаешь что, Борис, – так же по-немецки ответил русский император, – в моем окружении люди высказывают свое мнение не потому, что обладают положением суверенного монарха или наследника престола, а потому, что могут сказать что-то умное или полезное. Вон твой наставник Виктор Сергеевич обменял титул Протектора Кореи на графский Российской Империи титул, но графьев у нас как тараканов за печкой, а адмирал Ларионов один.

Потом, немного подумав, император Михаил смягчился и добавил:

– Когда речь пойдет о делах в Болгарии или вокруг нее, мы непременно спросим твоего мнения, ибо иначе нельзя. Но пока стой рядом, слушай, о чем мы говорим и мотай на ус. И учи русский язык самым настоящим образом, потому что если мы с этими господами хорошо сделаем свое дело, то русский станет главным языком международного общения. Понимаешь?

– Понимаю, кузен, – кивнул Борис, – и извиняюсь за несдержанность.

– Ну да ладно, замаяли, – ответил император, – ты прощен. Жорж, ну что же, мы слушаем – что именно ты нам хотел сказать?

– Для начала, – произнес Георгий, – я хотел бы спросить. Вы, русские, собираетесь поглотить всю азиатскую Турцию без остатка, вместе с Ираком, Аравией и прочими глухими уголками, не так ли?

– Да уж нет, – ответил Михаил, – хватит с нас Проливов, Армении, Сирии и восточной части Палестины. Ну и черноморское побережье с греко-армянским населением тоже неплохо было бы забрать под себя. А остальное, например, внутренние районы Анатолии, нам не переварить.

– Ирак, – с серьезным видом сказал генерал Бережной, – ни в коем случае нельзя отдавать англичанам. Там столько сладкого разом, что у твоего дядюшки Берти слипнется попа. Хотя и мы тоже сами его не потянем. Исключено! Удержать бы в своих руках Сирию⁹ с Палестиной...

– Ирак и западную часть Палестины, – ответил Михаил, – я планирую подарить дядюшке Вилли. В любом случае владеть он ими, как и Циндао с Формозой, сможет только до тех пор, пока Германия является частью Континентального альянса и имеет возможность провозить свои грузы через нашу территорию без пошлин и таможенного оформления.

– В таком случае, – сказал Георгий, – у тебя остается непристроенной такая территория как Аравия вместе с Йеменом. Думаю, что для тебя это далеко, неудобно и неинтересно, а вот у англичан на другом берегу Красного моря колонии в Египте и Судане...

– Ну вот, – вздохнул император, – я так и думал, что у нас обязательно что-то упадет со стола. Ну что поделать: на самом роскошном пиру тоже бывают объедки, которые потом подают на бедность разного рода прохожим. При этом надо будет сделать вид, что этот кусок англичанам мы отдаем с болью в сердце. Пусть все думают, что мы всю жизнь мечтали о Мекке и Медине, и вот теперь отрываем их от себя с кровью. Вы, Александр Васильевич, – обратился император к тайному советнику Тамбовцеву, – проследите за тем, чтобы были распушены соответствующие слухи. Пару статей в газеты тоже тиснуть не вредно. Мол, это акт англо-русской дружбы. Пусть галльский каплун поймет, что ради вкусного кусочка за тридцать земель любезные соседи обрекли его для германской духовки, и немного покукарекает. С другой стороны, легко быть добрым, когда это тебе ничего не стоит, а на самом деле дядюшки Берти и его наследники намучаются еще с этими дикими бедуинами.

– Теперь, – сказала Нина Викторовна, – осталось только пристроить то, что осталось от Турции, то есть центральную Анатолию. Ровно на попе эти люди сидеть не будут точно, и, оказавшись без всякого источника дохода, начнут совершать набеги на соседние земли с целью разбоя и грабежа.

– Только англичанам, – сказал Бережной, – этот костлявый кусок турецкой территории отдавать не надо, потому что они сами этот разбой и возглавят. И греков тоже от тех мест тоже лучше держать подальше, а то греха не оберемся. Именно там в нашем прошлом Кемаль-паша, которого позже назовут Ататюрком, вдребезги разгромил греческих интервентов, и главной силой в его войске были как раз местные ополченцы, которые греков на дух не переносят.

– А что если центральную Анатолию мы тоже отдадим немцам? – сказала Нина Викторовна Антонова. – Пусть строят через нее железную дорогу и ищут в ее земле самые древние древности. Если не ошибаюсь, то где-то там расположены четыре поселения, которые в

---

⁹ Сирия в те времена считалась вместе с Ливаном, это потом французские колонисты разделили две этих страны.

наше время считались первыми городами в истории человечества. Климат тогда был настолько благодатным, а местные земли настолько плодородными, что большие оседлые группы людей могли прокормить себя прямо с дикой природы без всякого земледелия или скотоводства.

– Да, – сказал император Михаил, – дядя Вилли такие вещи любит. Его хлебом не корми, дай покрасоваться перед публикой с какой-нибудь древностью в руках. А теперь серьезно. Все приготовления к операции следует завершить к концу июня, и к этому же времени необходимо приурочить мятеж младотурецких буржуазных националистов. При этом самые вменяемые в этой компании к означенной дате должны быть уже мертвы, чтобы к тому моменту как сербские, болгарские и греческие войска перейдут турецкую границу, там уже шла резня всех против всех. Тут, Александр Васильевич, опять не обойтись без вашей службы. Едва Ревельская конференция завершится и их величества разъедутся по домам, среди турецкого населения Фракии, Македонии и Албании нужно распустить слух, что британский король с благословения турецкого султана отдал эти земли неверным. Мол, сам султан на эту встречу поехать никак не мог и послал вместо себя английского короля. Вы, Борис, через свое военное министерство пошлете своим четникам сигнал, чтобы были наготове. Пусть они приготовятся быть передовым отрядом болгарской армии, которая, наконец, придет и освободит своих братьев из турецкого гнета.

– Да, кузен, – сказал Борис, – я непременно это сделаю. Полная независимость была мечтою моих подданных вот уже тридцать лет, а сегодня ты говоришь, что совсем скоро осуществится и вторая их заветная мечта. Болгария наконец-то будет не только свободной, но и полностью единой.

– Единая Болгария... – пробормотал Михаил, – кстати, хорошее название для правой верноподданнической партии. Но об этом мы еще поговорим... У вас, Георгий, все то же самое, за исключением того, что большая часть вашей армии, собранная в кулак, должна находиться на северной границе в полной боевой готовности, а меньшая – вести демонстрационные действия в Албании и Черногории. Ваш дед Никола Черногорский немного обиделся на нас за то, что мы отправили его дочку Стану лечиться от словоохотливости, и теперь с его стороны могут быть всяческие сюрпризы. Нина Викторовна, наверное, это я поручу вам. Необходимо дать понять этому деятелю, что торг тут неуместен, а вместо двух королевств (Сербии и Черногории) по факту может образоваться одно. То ли Великая Сербия, то ли сразу Югославия. И еще нельзя спускать глаз с греков. Союзники из них весьма условные. Тут и гадать не надо, что в общей кутерьме они попытаются выхватить из-под носа болгарской армии Салоники, а потом еще начнут торговаться. В таком случае, Виктор Сергеевич, разрешаю применять самые жесткие санкции. Вплоть до летального исхода всем, кто окажется непосредственно причастен к нарушению союзнических обязательств. Пусть все знают, что шутить шутки с Императором Всероссийским смертельно опасно. Ну вот, в общих чертах, вроде и все. Еще одну встречу мы, быть может, проведем позже, по итогам конференции... Вопросы есть? Нет? Ну, тогда давайте направим свои стопы к Большому дворцу. А то наша любезная сестрица Ольга Александровна и кузина Виктория уже, наверное, заждались нас к обеду. А как говорится, негоже заставлять дам ждать.

7 июня 1908 года. 13:35, Балтийское море, Ревельская бухта¹⁰, пять морских миль севернее Ревельской гавани, линейный крейсер флота Его Величества «Дредноут».

Двое суток потребовалось «Дредноуту» для того, чтобы на полном ходу¹¹ покрыть расстояние от устья Темзы до входа в Финский залив; и все это время адмирал Фишер гадал, чем

---

¹⁰ В наше время Ревельская бухта именуется Таллиннским заливом, а город Ревель, соответственно, Таллинном.

¹¹ У паровых турбин нет режима экономичного хода. То есть наиболее экономичен тот режим, который обусловлен кон-

их будет удивлять русский император и его правая рука на военно-морском поприще адмирал Ларионов. Гадал, и не мог прийти ни к какому определенному выводу, а ведь русские непременно должны его чем-то удивить. Русские дальние рейдеры к этому моменту ушли в дальний учебно-боевой поход, и никто не ведал, где они нынче находятся. Поговаривали, что призрачную русскую эскадру в камуфляжной раскраске видели на траверзе Нью-Йорка, Сан-Пауло или даже у мыса Доброй Надежды. Но они где-то там, а «Дредноут» здесь, в нескольких часах хода от столицы России.

И вот, как это обычно бывает с русскими, произошло как раз то, чего адмирал Фишер в своих гаданиях не мог и предположить. Три часа назад, когда «Дредноут» на полной скорости в двадцать четыре узла проходил траверз мыса Тахкона¹², ему навстречу вышли три корабля под Андреевскими флагами: быстроходный крейсер из будущего «Адмирал Ушаков» и два местных легких крейсера-скаута предыдущего поколения – «Жемчуг» и «Изумруд». Предыдущее поколение – оно и есть предыдущее поколение. Еще четыре года назад это были превосходные бронепалубные крейсера второго класса, истребители вражеских миноносцев и ближние разведчики при эскадре; ныне же они безнадежно устарели. Их турбинные одноклассники имеют скорость в тридцать пять-сорок узлов, а сами они едва способны тягаться в ходе с тяжелыми линейными крейсерами флота Его Величества. Но сейчас легкие крейсера выступали лишь в качестве почетного эскорта, а вот «Адмирал Ушаков» нес на своей мачте не только Андреевский флаг, но и штандарты русского и германского императоров, совместно вышедших в море навстречу британскому гостю.

Дальше было еще интереснее. Обменявшись сигналами, корабли легли в дрейф, после чего с «Адмирала Ушакова» на воду спустили катер. Завывая мощным бензиновым мотором, он с шиком и ветерком на тридцатиузловой скорости, распахивая море на две белопенных волны, доставил на борт «Дредноута» двух блудных племянников¹³ короля Эдуарда. Катер, конечно, был хорош (в британском флоте таких пока не имелось), но на ожидаемый адмиралом Фишером удивительный сюрприз он не тянул. Хотя то, что русский и германский императоры не стали ждать британских гостей на берегу, а вышли им навстречу на корабле из будущего, само по себе заставляло задуматься о причинах такого поступка. Впрочем, из-за встречи трех коронованных особ адмирала Фишера на какое-то время банально отодвинули в сторону, и он перешел в разряд наблюдателей. Когда король занимается большой политикой, пуская пыль в глаза, хвастаясь таким великолепным линейным крейсером и прощупывая оппонентов на «слабо», адмиралам лучше стоять в сторонке и не отсвечивать.

Впрочем, он недолго оставался в одиночестве. Адмирал Тирпиц и адмирал Ларионов подошли к нему с двух сторон на пересекающихся курсах, так что первому лорду британского адмиралтейства даже показалось, что сейчас его поставят в положение в два огня и расстреляют залпами главного калибра. Конечно же, это впечатление было обманчиво, намерения у «противника» были вполне мирные.

– Ну, здравствуй, сэр Джон, – первым поприветствовал Фишера адмирал Ларионов, – вот мы, однако, и свиделись.

При этих словах адмиралу Фишеру представилось выражение непонимания «What is it?» написанное на самодовольно-туповатом лице адмирала Ноэля в тот миг, когда русские броненосцы неожиданно сделали «кроссинг Т» и вцепились в его эскадру клыками своих орудий. А потом у него уже не было никакого «потом». Двенадцатидюймовый снаряд поставил точку в его жизни и карьере, а также определил момент, когда солнце Британской империи из зенита стало клониться к закату. И хоть все аплодисменты и проклятия за Формозу собрал на себя Намест-

струкцией турбины. Как правило, наилучший КПД паротурбинные установки имеют как раз на полных ходах.

¹² Линия мыс Тахкона – на острове Даго (Моонзундский архипелаг) – мыс Ханко на южном побережье Финляндии обозначает границу, отделяющую Финский залив от центральной части Балтийского моря.

¹³ Вильгельм был сыном родной сестры британского короля, а Михаил – сыном свояченицы.

ник Алексеев, официально возглавлявший русскую эскадру Тихого океана, адмирал Фишер знал, кто был композитором, хореографом и дирижером того балета смерти. А потом его предшественник, Первый Лорд Адмиралтейства, отдавший дурацкий и преступный приказ «взять в залог Формозу» пускает себе пулю в висок прямо в служебном кабинете, потому что иначе его сделали бы крайним за все. И в этой смерти тоже виновен адмирал Ларионов, несмотря на то, что он лично не нажимал на курок револьвера. Виновен он и в смертях, случившихся в результате Великой Паники, когда Эскадра из Будущего проходила Каналом¹⁴ к месту своего нового базирования. Многих британцев тогда обуял психоз, и они кончали с собой – только чтобы не видеть Конца Света. Других убил он, адмирал Фишер, когда играл на бирже, точно зная, что никакого Конца Света не будет. И тогда разоренные его игрой биржевые игроки стрелялись, бросались с мостов в Темзу или сигали на мостовую из окон высоких зданий. И в тех смертях тоже был виновен адмирал Ларионов. Виновен просто тем, что он был, что пришел в этот мир со своей эскадрой и стал гнуть его под себя.

А потом адмиралу Фишеру преставилась залитая кровью улица, ржущие кони и пронзительные крики умирающих. Тут только что взорвались бомбы, которые унесли жизнь русского императора Николая и еще полусотни русских, – и эти взрывы тоже разделили мир да «до» и «после». Английские агенты сами не кидали этих бомб, они только заплатили тем, кто мог это сделать, и указали на цель. Но еще до этого была ночная атака японских миноносцев на Порт-Артур и ультиматум адмирала Уриу «Варягу» выходить на бой одному против целой эскадры. И тут также не обошлось без английского золота. Чтобы Японская империя смогла на равных драться против русских, потребовалось очень много денег; сами японцы не смогли бы оплатить и десятой части тех счетов. И только после того, как в той злосчастной войне грянул первый выстрел, в их мире появился адмирал Ларионов со своими кораблями. Он не нападал, он лишь парировал удары, но делал это с такой сокрушительной силой, что закачались основы мира...

Вот один из кораблей его эскадры идет курсом параллельным курсу дредноута. Острый атлантический форштевень режет балтийскую волну, а в наклонных ящиках, установленных в носовой части, своего момента ждут восемь ракетных снарядов, каждый из которых способен утопить или тяжело повредить линкор или линейный крейсер. Восемь снарядов, восемь линкоров или линейных крейсеров флота Его Величества, погибших еще до соприкосновения с противником. А еще у адмирала Ларионова есть крейсер «Москва», на котором подобных снарядов еще пятнадцать. А он-то (адмирал Фишер), наивный, вообразил, что корабли из будущего небоеспособны, и решил наклепать столько бронированных коробок, чтобы континенталы просто не смогли их все утопить. Ни один бюджет, даже если все британцы утянут пояса, не выдержит строительство флота, состоящего из тридцати «Дредноутов».

– Сэр Джон, – донесся до адмирала Фишера откуда-то издалека зычный бас Тирпица, – вам плохо? Быть может, позвать доктора?

– Да нет, мой дорогой Альфред, – ответил встрепенувшийся Фишер, – я в порядке. А с чего вы взяли, что мне плохо?

– А вы, мой дорогой Джон, – ответил тот, – побледнели так, будто углядели перед собой саму фрау Смерть в белом саване и с косой наперевес.

– Да нет, Альфред, – как можно более небрежно ответил Фишер, – вам показалось. И, кстати, как вам кажется наш «Дредноут»?

– Хорошая мишень, – вместо Тирпица ответил адмирал Ларионов. – Вы, Джон, пытаетесь решить несколько взаимоисключающих задач одним проектом, породили не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку. Во-первых – ваше создание слишком тонкокожее, чтобы боксировать против настоящих больших парней. Даже броненосцы прошлого поколения с сорокакалиберными двенадцатидюймовками будут дырять вашу плавучую консервную банку прак-

¹⁴ Канал – у англичан так называется Ла-Манш.

тически на любой дистанции боя. Во-вторых – ваш «Дредноут» слишком тихоходен, чтобы гоняться за современными прерывателями торговли. Разница в семь узлов скорости означает, что «Измаил» либо уйдет от вас как от стоячего, либо будет, держась за пределами дальности ваших орудий, издали закидывать «Дредноут» десятидюймовыми «подарками» улучшенной аэродинамики. Кстати, какова у вас толщина бронепалубы?

– Два дюйма, – неожиданно для себя ответил Фишер, – но под ней есть еще одна, толщиной в дюйм...

– Для десятидюймового полубронебойного снаряда, втыкающегося в палубу под углом в шестьдесят градусов, это все равно что ничего, – ответил адмирал Ларионов. – А ведь там, под палубой, находятся артиллерийские погреба, которые при навесном огне не защищены своим подводным положением. Мы, кстати, проводили испытания, используя в качестве мишени спущенный броненосец «Чесма». Чем больше дистанция боя, тем разрушительнее последствия применения наших новых полубронебоев. Всего один снаряд, добравшийся до погребов – и ваша лоханка идет на дно, а команда возносится на небеса, представляться по поводу прибытия Святому Петру.

– Такое крайне маловероятно, – вскинул голову адмирал Фишер, – рассеивание на больших дистанциях боя очень велико, и я сомневаюсь, что ваш отдельно взятый снаряд вообще сможет попасть просто в корабль, а не то что в пороховой или бомбовый погреб...

– В истории нашего мира, – жестко сказал адмирал Ларионов, – четыре линейных крейсера Его Величества в бою взорвались от прямых попаданий вражеских снарядов и затонули в считанные минуты со всеми командами. Четыре, Джон – из восьми (если мне не изменяет память), построенных в Великобритании кораблей этого типа. Из всех находящихся на борту матросов, офицеров и адмиралов спастись, как правило, удавалось только нескольким случайным личностям. Роковое попадание случилось на втором или третьем залпе после пристрелки, – а вы говорите, рассеивание... Вы торопились слепить хоть что-нибудь из того, что имелось под рукой, и в результате получили корабль, годный лишь для демонстрации флага или обстрела прибрежных папуасских селений. В бою против равного классом противника это не более чем большая братская могила для всей команды.

После такого коронного выступления на адмирала Фишера и так уже было страшно смотреть, но тут Тирпиц решил добавить свои пять копеек.

– После того как в строй вступят наши «Мольтке», – сказал он, – их четырнадцатидюймовые орудия смогут пробивать ваши «Дредноуты» с их пятнадцатисантиметровым поясом насквозь через оба борта в любом месте. Главное – попасть, а остальное снаряд сам доделает с гарантией. И в то же время для того, чтобы пробить главный пояс «Мольтке», вашему «Дредноуту» придется сблизиться с ним меньше чем на полторы мили, что нереально. Наши пушки задолго до этого превратят ваши посудины в такую штуку, через которую итальяшки отбрасывают свои спагетти.

Адмирал Фишер как раз искал фразу поязвительнее, чтобы ответить этим двум нахам, но тут его окликнул король Эдуард.

– Джон, – крикнул британский монарх, – иди сюда. Мой кузен Майкл обещает нам показать интересное представление, и ты не должен этого пропустить.

– Да Джон, – с усмешкой сказал адмирал Ларионов, – иди. Это будет и вправду интересное представление, тебе понравится. Переговоры с позиции силы тем и замечательны, что сила может быть применена любой из договаривающихся сторон. Не забывай, что ты имеешь дело с людьми, которые насквозь знают ваше гнилое англосаксонское нутро. Да, с вами можно договариваться, но только в том случае, если отказ от договора или его нарушение будут грозить вам немедленным уничтожением.

– Да, это так, – подтвердил Тирпиц и спросил: – а что это за представление, мой добрый друг Виктор?

– Увидишь, мой друг Альфред, увидишь... – загадочно ответил русский адмирал, – мы уже близко.

Из этого разговора Фишер сделал вывод, что русские держат своих германских партнеров в некотором неведении, по крайней мере, по поводу запланированной на сегодня программы. И еще русский адмирал – педантичный, желчный, гладко выбритый – показался ему похожим на немца. А импульсивный и порывистый Тирпиц, с окладистой рыжей с проседью бородащей, напротив, напомнил русского мужика. Вот и верь после этого первым впечатлениям. Действительно, какие же это переговоры с позиции силы, если силу способны применить обе стороны. Переговоры с позиции силы возможны только тогда, когда сила находится у англичан, а все остальные послушно следуют диктату этой силы.

Часом спустя настроение адмирала испортилось еще больше. Оказалось, что летательные аппараты с эскадры из будущего, которые, как предполагалось ранее, имели лишь разведывательное и транспортное назначение, на самом деле были созданы для боевого применения. Прямо на глазах адмирала Фишера и короля Эдуарда один из таких аппаратов последовательно сбросил несколько снаряженных мощной взрывчаткой бронебойных бомб на старую баржу, изображающую корабль-мишень, и разнес ее вдребезги, несмотря на то, что та для непотопляемости была заполнена пустыми бочками. Окажись мишенью «Дредноут» – и с ним было бы то же самое, ведь эти бомбы, вонзаясь в бронепалубу под прямым углом, пробивали ее насквозь и взрывались внутри. А у боевого корабля под палубой не пустые бочки, а погреба боезапаса, нефтяные и угольные ямы и нежные, как человеческие кишки, ходовые механизмы. Кстати, Тирпиц был поражен «представлением» ничуть не в меньшей степени, – а это означало, что прежде ему ничего подобного не показывали. Видимо, не считали нужным, а вот теперь сочли...

И когда затонувшая мишень осталась позади, а стремительный остроклювый аппарат удался прочь, несчастный «Дредноут» подвергся учебной атаке нескольких подводных миноносцев. Побарабанив в борта самодвижущимися минами без боевых зарядов, эти подводные аппараты всплыли и продемонстрировали, что это были не известные миру подводные минные крейсера из будущего, а местные корабли того размера, когда миноносец на специальной платформе возможно перевозить по железной дороге, доставляя в любой порт Империи, раскинувшейся между тремя океанами.

После этого в мозгах у адмирала Фишера что-то треснуло – и он проклял тот день, когда, заняв место первого Лорда, решился строить «Дредноут». Переговоры с позиции силы начались, только вот сила была не на его стороне. Первоначально он планировал пугать русских мощью своего детища, но, как оказалось, им на него наплевать. Еще раз адмирал Фишер оказался удивлен, когда подходе к Ревелю русские и германцы покинули борт «Дредноута». Дело в том, что для этого им даже не пришлось ложиться в дрейф и спускать катер. Просто прилетела эдакая каракатица с двумя винтами сверху и зависла над палубой ровно на то время, пока на ее борт поднимались люди, после чего улетела к кораблю из будущего. С одной стороны, это было пока все, а с другой, адмирала Фишера ожидал нелегкий разговор с королем...

7 июня 1908 года, 17:05. Ревельская гавань, адмиральский салон линейного крейсера флота его Величества «Дредноут».

– Ну-с, Джеки, – сказал король Эдуард, устраиваясь в кресле с большой кружкой адмиральского чая, – умыл тебя холодной водичкой мой племянничек Майкл?

– Ваш зять, Берти, – хмыкнул адмирал Фишер, – занялся этим еще раньше русского императора. В нем столько яда, что хватило бы перетравить всех крыс в лондонских доках. И как только ваша дочь живет с эдаким чудовищем?

– Вы не поверите, Джеки, – проворчал король, – но моя Тори влюблена в своего мужа как кошка. В письмах она всячески восхваляет своего супруга и еще пишет, что ей нравится быть

русской адмиральшей, женой и матерью очаровательной малышки... А еще она хочет, чтобы наконец прекратилась эта дурацкая война кита со слонем, чтобы две наших империи могли сосуществовать с пользой друг для друга. Ведь признайтесь, Джеки: был у вас план, понастроив уйму дредноутов, взять реванш за Формозу и продиктовать русским условия соглашения?

– План такой был, – согласился с королем адмирал Фишер, – да только у русских, как у всяких порядочных шулеров, в рукаве оказались самые крупные козыри. Наш флот должен был оказаться на пике формы к тому моменту, когда у русских было бы всего две дивизии прерывателей торговли, а германские монстры «Мольтке» еще стояли бы у достроечной стенки. У меня были сведения, что после перехода с Тихого океана корабли из будущего в значительной степени утратили свою боеспособность из-за износа механизмов...

– О да, – кивнул король, – Майкл сказал, что боеспособность эскадры моего зятя обходится Российской империи недешево. Один крейсер «Адмирал Ушаков», сопровождавший нас до Ревельского рейда, требует столько же денег, сколько дивизия старых броненосцев. Но мой племянник все равно идет на эти расходы. И, как вы думаете, Джеки, почему?

– Наверное, – ответил адмирал Фишер, – потому что эти корабли являются носителями чрезвычайно разрушительного оружия, способного нейтрализовать любой неприятельский флот...

– И это тоже, – ответил король, – но главным тут является технологический вызов, заключающийся в необходимости осваивать или перерабатывать технологии будущего. Благодаря этому вызову русская промышленность взрослеет не по дням, а по часам. Майкл говорит, что пройдет совсем немного времени – и деньги, затраченные на поддержание боеспособности кораблей эскадры адмирала Ларионова, прольются на Российскую империю золотым дождем. При этом часть секретов русские передали германцам, так сказать, в совместное пользование, отчего их «Мольтке» по уровню совершенства почти не уступят «Измаилам».

Адмирал Фишер скептически хмыкнул.

– И кому будут нужны германские «Мольтке» или русские «Измаилы» после того, как мы с континентами уговоримся об условиях взаимного сосуществования? – спросил он. – А ведь именно к этому клонят ваш племянник и его советники из будущего...

– Вы забыли о кузенах, Джеки, – ответил король, – о наших американских кузенах, предки которых однажды взбунтовались против насковзь законного требования платить налоги. Нас Майкл и его советники воспринимают как угрозу непосредственную, а вот кузенов – как экзистенциальную. Однажды они скажут: «Вашингтон должен быть разрушен» – и он будет разрушен, как бы ни трепыхались по этому поводу господа из Конгресса. Та морская мощь, которую сейчас создает Континентальный Альянс, с легкостью может быть переброшена на американское направление. По крайней мере, русские дальние рейдеры безо всякого напряжения смогут действовать у побережья Бразилии или Чили. Вы представляете себе, Джеки, сколько всего интересного смогут совершить «Измаилы» на заднем американском дворе, в то время как германские тяжеловесы самим своим существованием будут удерживать нацию фермеров от опрометчивых поступков? Это я говорю к тому, что «Измаилы» и «Мольтке» просто так не пропадут, в отличие от твоих «Дредноутов», которые были слеплены второпях, на основании неверных посылок.

Адмирал Фишер подумал, что он тоже был бы не прочь поиграть в такую интересную игру, но, к сожалению его не пускают грехи предшественников, сумевших основательно изгадить англо-русские отношения. И к тому же, в самом деле, когда адмирал Ларионов в саркастически-насмешливом ключе высказывал свое мнение о его любимом детище, первому лорду британского адмиралтейства было очень и очень обидно. И только потом, остыв, он понял, что по-другому было никак, по-другому он бы не понял. «Дредноут» был его гордостью, его мечтой и смыслом жизни, и для того, чтобы до него дошло, что второпях реализованная мечта разродилась уродцем, требовались незаурядные усилия. А если вспомнить некоторые детали собы-

тий четырехлетней давности, то получается, что русские заранее просчитали его реакцию. Если «Дредноут», каким он задумывался первоначально, был призван обнулить и обесценить только линейные силы всех мировых держав, то «Измаилы» ударили по всем классам кораблей разом. И его «Дредноут» раскорячился между двумя классами, слишком тонкокожий для настоящего линкора и слишком тихоходный для крейсера. И артиллерия... Для постройки «Дредноута» и его предполагаемых систершипов использовались орудия и башни главного калибра, изготовленные для постройки серии броненосцев «Лорд Нельсон». Недостаточный угол возвышения орудий, отсутствие систем центральной наводки и, самое главное, низкое качество приборов управления огнем – все это, даже без всех хитростей, продемонстрированных русскими, делало «Дредноут» весьма спорным кораблем.

В таких условиях что должны были сделать русский император и его советники, чтобы разгромить и окончательно уничтожить Британию? Всего лишь дать до конца достроить серию «ублюдков», а потом убедить британский истеблишмент и, в частности, его, адмирала Фишера, в своей слабости... Дальше все могло быть весьма просто. Когда британские политики и адмиралы, обуянные неумеренной гордыней, начнут войну против континентального Альянса, весь Роял Нэви мог быть уничтожен одним ударом эскадры адмирала Ларионова. Могущество, созданное веками господства на море, разом отправляется на морское дно, а Британская империя оказывается в положении человека, лишенного кожи. Еще одна Формоза, только многократно большая – как по потерям, так и по политическому значению. А потом к берегам Британии начнут подходить транспорты, битком наполненные злыми германскими гренадерами. Есть сведения, что верфь «Вулкан» в Штеттине уже освоила копирование русских десантных кораблей из будущего. Один корабль в Русский Императорский Флот, один – в Кайзермарине, один – в Русский Императорский Флот, один – в Кайзермарине...

Вместо этого его, Фишера, натывали мордой в собственные какашки, как щенка, нагадившего на хозяйский ковер, и дали возможности избежать самого страшного – позора поражения. Любить адмирала Ларионова за такое он не будет, но и ненавидеть особо тоже. Примерно как хирурга, заблаговременно вырезавшего аппендицит, но оставившего незабываемые впечатления от копания в собственных кишках и изрядно облегчившего кошелек. Впрочем, священник и могильщик обошлись бы еще дороже. И все же – чего ради был этот спектакль? Неужели только ради того, чтобы сделать приятное дочери британского короля? Но это невероятно. Ведь русский адмирал из будущего не похож на доброго самаритянина, делающего подарки прохожим, отнюдь. Его деловая и политическая хватка уже стала притчей во языцех. Недаром же русский император поручил ему воспитание молодого болгарского царя.

– Берти, – сказал адмирал Фишер, обращаясь к королю, – я никак не могу понять смысл сегодняшнего представления. Чего добивался ваш племянник и его верный клевет? ведь было же видно, что весь спектакль – это исключительно их рук дело, а кайзер Вильгельм с Тирпицем разыгрывались этими интриганами втемную. Им было, конечно, приятно наше унижение, но, ставлю гинейю против гнутого фартинга, они так и не поняли потайного смысла происходящего.

– Не ломайте голову, Джеки, – ответил король Эдуард, – это мой племянник таким манером заманивает нас в Континентальный Альянс. Ведь я вам уже говорил: их главная цель – наши кузены, будь они неладны, а для того державы нашего Восточного полушария должны действовать сообща...

– Я не понимаю, – хмыкнул Фишер, – чем вашему племяннику так насолила нация фермеров и ковбоев?

– Скорее уж пиратов и бандитов... – проворчал король. – Понимаете, Джеки, если взять какое-нибудь животное, пусть даже самое безобидное, вроде кролика, и поместить его в дикую природу, где у него не будет естественных врагов, то эти зверьки так размножатся, что станут представлять опасность всему живому. При этом смею заметить, что мы, англосаксы, далеко не безобидные кролики. В нашей истории была борьба бриттов, против римского владычества,

завоевание Британии англами и саксами, нашествия норманнов и захват Британии Вильгельмом Завоевателем. Потом мы сто лет бились на континенте против французов, а кончилось все тем, что королеве Елизавете удалось отбиться от испанского нашествия. С той поры началось величие Британии на морях, которое и привело нас к сегодняшнему моменту... Но речь сейчас не об этом. Да, наши Острова несколько раз подвергались завоеванию, но это были нормальные завоевания. Победенные, потеряв в имуществе и общественном статусе, продолжали жить рядом с победителями и через некоторое время сливались с ними в один народ. Кузены сделали все не так. Завоевывая свой большой остров, они под корень уничтожали местное население. Военные отряды специально охотились на индейцев для того, чтобы убивать женщин и детей...

Задумавшись, король сделал большой глоток остывшего напитка и посмотрел прямо в глаза адмиралу Фишеру.

– Так вот, Джеки, – сказал он, – русские такого поведения не понимают и не принимают. Занимая огромную территорию от Урала до Тихого океана, они оставили в неприкосновенности все проживавшие там народы. С их точки зрения, наши кузены – это опасные сумасшедшие, маньяки, одержимые жадной убийства, и если они, набрав силу, отбросят свою доктрину Монро и беспрепятственно выйдут в мир, то североамериканская история наверняка повторится в гораздо большем масштабе. И кстати, если вы думаете, что так называемая «американская революция» случилась из-за пошлин на чай, то жестоко ошибаетесь. Главной причиной возмущения колонистов стал запрет нарушать договоры с индейскими племенами и занимать земли по ту сторону Аппалачей. Чем все это кончилось, мы все знаем. Но это еще не конец истории. Конец известен русским из будущего. Конец – в буквальном смысле этого слова. Две нации, вооруженные оружием, способным уничтожить все живое на планете, застыли друг напротив друга в готовности дать залп и обратить весь мир в труху. Как ты, наверное, уже понял, этими двумя нациями оказались русские и наши кузены. Там, сто лет тому вперед, кузены все-таки отбросили доктрину Монро и распространили свою жадность на весь мир, – и русским при этом не остается ничего иного, кроме отчаянной обороны, ибо в противном случае их ждет судьба североамериканских индейцев.

– А Британия? – спросил адмирал Фишер.

– А Британия, Джеки, – ответил король, – исполняет арию шакала Табаки при заокеанском Шер Хане, – впрочем, как и остальные европейские страны, некогда великие, но впавшие в ничтожество. При этом руководят Британией такие люди, которые сегодня не поднялись бы выше мелких клерков. Но главное не в этом. Мой зять и генерал Бережной, а также другие пришельцы из будущего убеждены, что если Соединенные Североамериканские Штаты каким-нибудь образом сгинут с лица этой планеты, то легче станет всему человечеству, а не только России. При этом они не испытывают ненависти к простому американскому народу, а только к финансистам с Уолл-стрит и вашингтонским политикам.

– Где-то я уже слышал эти слова, – сказал адмирал Фишер, – только в приложении к британскому народу...

– Возможно, ты и прав, Джеки, – кивнул король, – иногда мне кажется, что русские вообще не способны испытывать ненависть в обычном европейском понимании. Едва победив вчерашнего врага, они стремятся сделать его своим другом. Иногда у них это получается, а иногда не очень. Взять, например, поляков. Они столько раз устраивали восстания, что любое нормальное европейское государство давно извело бы их под самый корень, а русские продолжают возиться с этими своими меньшими братьями как с малыми детьми.

– К черту поляков! – сказал как отрезал адмирал Фишер, – меня больше интересует наша Британия. Что мы получим, если присоединимся к Континентальному альянсу? Я понимаю, что это почти невозможно осуществить на практике, но все же поведайте, Берти, что обещал вам ваш племянник за то, что вы свершите невозможное?

– Он пока ничего не обещал, – пожал плечами король. – Между нами торчал этот болван Вилли, так что нормального разговора не получилось. Кстати, как раз этот кондовый пруссак истово ненавидит все британское, и этому немало поспособствовала его мать, а моя сестра, перекормившая мальчика в детстве овсяной кашей. Впрочем, как мне кажется, наша договоренность с Майклом в силе и завтра во время переговоров мы непременно получим от него предложение, которым не сумеем пренебречь. А может, это будет встреча тета-тет, до или после основных переговоров и без настырного Вилли, чтобы мы с Майклом могли обговорить все совершенно открыто и без спешки.

– Я думаю, – со слегка разочарованным видом произнес Фишер, – что если мы примем предложение вашего племянника Майкла, то люди, которые считают, что они и есть Британия, найдут способ отказаться уже от нас. Ваша мать приучила общество ненавидеть Российскую империю, и эта ненависть унесет нас в могилу. Мы живы только до тех пор, пока маневрируем, демонстрируя подготовку к схватке за мировое господство, и Всевышний свидетель, что эту схватку мы проиграем...

– Не думаю, что все так плохо, – вздохнул король, – но на этом этапе нам нужно хоть чего-нибудь добиться для того, чтобы бросить кость нашему общественному мнению. По счастью, в нашем обществе вполне достаточно казаться победителем и совсем не обязательно одерживать сами победы. Мы непременно должны предстать во всем блеске, без единого выстрела присоединив к Британии новую территорию, как когда-то в сходных условиях моя мать и Дизраэли присоединили Кипр. Думаю, что и Майкл тоже это понимает, и поэтому уже подготовил подарок своему доброму дядюшке. По крайней мере, мы будем на это надеяться.

– Кстати, Берти, – спросил адмирал Фишер, – переговоры пройдут у нас на «Дредноуте»?

– Ну нет, – ответил британский король, – Майкл уже совершил один визит на ваше детище и больше не ступит туда ни ногой. Это исключено. Насколько мне известно, переговоры пройдут в Ревельском замке, который иначе называется Каструм Данорум, или Датской Крепостью. Возможно, я получу возможность до переговоров встретиться с моим племянником и его советниками, а быть может, и нет, но в любом случае нам лучше не совершать резких движений, потому что последствия этого могут оказаться воистину печальными.

– Берти, – неожиданно спросил адмирал Фишер, – скажите, вы мне доверяете?

– Разумеется, доверяю, Джеки, – ответил король. – В ограниченных, разумеется, пределах. Жenu бы я вам не доверил, а все остальное – сколько угодно и хоть сейчас.

– Тогда, – сказал адмирал, – у меня к вам есть одно предложение...

7 июня 1908 года, 20:25. Ревель, дворец губернатора Эстляндии, он же Ревельский замок, он же Каструм Данорум, императорские апартаменты.

Присутствуют:

Император Всероссийский Михаил Второй;

Замначальника ГУГБ – генерал-лейтенант Нина Викторовна Антонова;

Командующий корпусом морской пехоты – генерал-лейтенант Вячеслав Николаевич Бережной;

Командующий Особой эскадрой – вице-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

– Итак, товарищи, – сказал император Михаил, – теперь, когда меньшие братья уложены спать, заседание Малого Тайного Совета при моей особе предлагаю считать открытым. Состав полный, за вычетом Александра Васильевича Тамбовцева, вернувшегося в Санкт-Петербург по служебным надобностям.

– Принято, товарищ Михаил, – ответила генерал Антонова, – и сразу хочу сказать об одном из меньших братьев. Королевич Георгий после нашей прошлой встречи имел довольно длинный разговор с Ольгой. Подробности этой частной беседы неизвестны, но молодые люди расстались довольные друг другом. Насколько мне известно, Ольга уже написала заявление для

поступления в Корпус. Честно сказать, я затрудняюсь по поводу факультета, на какой ее можно было бы определить. Контртеррористический факультет превратит ее в человека-истребителя, а у эскортниц при этом слишком вольные нравы. Их учат вести себя раскованно в ситуациях, неподобающих для вашей племянницы.

– Я вас понял, Нина Викторовна, – кивнул Михаил, – и думаю, что Корпусу требуется третий факультет, который будет готовить агентов влияния в высших эшелонах. Назовем его факультетом прикладной политики. Часть программы можно взять у факультета эскорт-гвардии, а часть – у Смольного института и Бестужевских курсов. Девушки, закончившие этот факультет, должны иметь хорошую спортивную подготовку, владеть всеми способами постоять за себя (хоть голыми руками, хоть с помощью ножа и пистолета), и в то же время они должны быть всесторонне образованными и иметь манеры, подходящие представительницам высших классов. Вы меня понимаете?

– Да, – кивнула генерал Антонова, – понимаю. Но где мы будем брать слушательниц для этого факультета, ведь простые сиротки-дворянки не подойдут по происхождению?

– Во-первых, – сказал император, – то, что первой слушательницей этого факультета станет моя племянница, добавит ему престижа. Во-вторых – в связи с отменой Указа о вольности дворянской и одновременно с введением юридического равноправия мужчин и женщин перед многими девицами высших аристократических фамилий встанет вопрос выбора жизненного пути. Тут, как говорит товарищ Бесоев, будет рулить эмансипация. Какие-то из этих девиц по своим личным качествам подходят для факультета прикладной политики, какие-то нет, но, исходя из первого пункта программы, определенное количество абитуриенток набрать из этого контингента возможно. В третьих – не стоит исключать и дворянок-сироток или даже простолюдинок, если они имеют соответствующую фактуру и необходимые морально-психологические качества. Думаю, что впоследствии на базе этого факультета получится развернуть нечто вроде университета государственного управления, готовящего кадры для гражданской службы, но это пока лишь отдаленные перспективы; сейчас же нам нужны всесторонне развитые и патристично настроенные девицы, которые, даже покинув территорию Российской Империи, продолжают представлять ее интересы.

– Я вас поняла, – кивнула Антонова, – и совершенно согласна, что организация такого факультета – дело архиважное и архинужное. Сейчас мы вынуждены создавать агентов влияния из того, что оказалось под рукой – например, из телохранительниц того же принца Георгия, с которыми он попросил заключить постоянный контракт, а потом включить их в число фрейлин своей будущей супруги.

– А еще, – добавил генерал Бережной, – Георгий сказал, что будь он простым сербским поручиком, женился бы хоть на одной, хоть на другой, хоть после перехода в магометанство на обеих сразу. Это я вам говорю не в порядке сплетни, а потому что выпускницы вашего факультета эскорт-гвардии – очень и очень привлекательные штучки.

Император Михаил хмыкнул, а потом сказал:

– А может, и женятся на этих девочках пара симпатичных молодых сербских поручиков, а потом пройдет двадцать лет – и окажется, что это талантливейшие югославские генералы. Это я говорю к тому, Нина Викторовна, что в будущем вам никоим образом не стоит упускать такую возможность. Я понимаю, что у вас нет доступа к этому вашему интернету, но все равно кое-какие источники информации имеются. Надеюсь, на этом матримониальная тема в нашем разговоре может считаться исчерпанной?

– Не совсем, товарищ Михаил, – сказал адмирал Ларионов, – должен сказать, что болгарский царь Борис заинтересовался вашей племянницей Татьяной. Пока этот интерес, можно сказать, чисто теоретический, вызванный подражанием старшему товарищу и коллеге по положению, и в то же время, если помимо Сербии к России брачными узами удастся привязать еще и Болгарию, ничего плохого в этом уж точно не будет.

Император Михаил удивленно хмыкнул и спросил:

– Вячеслав Николаевич, а что скажете вы, как непосредственный воспитатель моих племянниц?

– Вы знаете, Михаил, – ответил Бережной, – дочери вашего брата – большие патриотки и ни за что не хотят покидать Россию. Единственные исключения, которые они готовы сделать – это единокровные и единоверные нам Болгария и Сербия.

– Ну, – сказал Михаил, – значит, быть посему. Впрочем, по-настоящему к этому вопросу мы вернемся лет через семь, когда Борису исполнится двадцать один год, а Татьяна войдет в брачный возраст. А пока на этом все. Сейчас я хотел бы поговорить о том, что ожидает нас уже завтра утром. Если до этого во внешней политике мы двигались в основном курсом, параллельным нашей прошлой истории, то теперь нам предстоит окончательно погрузиться в неизвестные дебри... Для начала, Виктор Сергеевич, расскажите нам, пожалуйста, почто вы на пару с Тирпицем издевались над бедным адмиралом Фишером? Он еще до начала воздушного представления был сам не свой.

Не успел адмирал Ларионов ответить, как в дверь тихонько постучали, после чего на пороге нарисовался императорский адъютант в форме морского лейтенанта. Георгиевский крестик и нашивка за тяжелое ранение говорили о том, что в императорской свите этот молодой человек появился не просто так. Четыре года назад Иванов (тогда еще мичман) участвовал в Формозском сражении в составе команды крейсера «Баян». Потом врачи на плавгоспитале «Енисей» долго боролись за его жизнь, а по приходу эскадры на Балтику и, самое главное, после выздоровления, вместе с орденом и лейтенантскими погонами из рук государя героический офицер получил приглашение занять место одного из нескольких дежурных адъютантов. В противном случае молодому человеку светила отставка с мундиром и небольшой пенсией, ибо к строевой службе он был уже не годен.

– Слушаю вас, Сергей, – сказал император, повернувшись к визитеру; он понимал, что просто так адъютант беспокоить не будет.

– К вам его высокопревосходительство адмирал Британской империи Джон Фишер, – почему-то шепотом ответил адъютант. – Прикажете допустить?

Присутствующие ошарашенно переглянулись, а император Михаил утвердительно кивнул и сказал:

– Вот, на ловца и зверь бежит. Да как вовремя... Разумеется, допустите его, Сергей, и подежурьте в приемной еще немного – может, британского гостя потребуется проводить...

И вот вошел адмирал Фишер: в темном плаще и широкополой шляпе поверх мундира – ну чисто мистер Икс из-под купола цирка.

– Добрый вечер, ваше Императорское Величество, – сказал он, сняв шляпу, – и вам тоже добрый вечер, господа из будущего. Я прибыл сюда от имени и по поручению своего короля, чтобы провести со всеми вами предварительные переговоры. Дело в том, что король Эдуард не может покинуть «Дредноут» без того, чтобы об этом стало известно как о неподобающем поведении, и в то же время адмирал Фишер не так жестко связан рамками существующего этикета. Впрочем, вот мое верительное письмо...

С этими словами он подал императору Михаилу сложенный вчетверо лист бумаги, запечатанный королевским перстнем-печаткой. Император, убедившись в целостности печати, вскрыл послание и после прочтения сказал:

– Ну что же, мистер Фишер, все верно. А посему мы вас внимательно слушаем...

– Нет, – ответил адмирал Фишер, – это я вас слушаю. Мы с моим королем немного посоветовались и решили, что, ко взаимному удовольствию обеих сторон, необходимо прекратить англо-российскую конфронтацию. Но, поскольку мяч находится на вашей стороне и именно вы разыгрываете на Балканах непонятную для нас комбинацию, мы решили предоставить вам инициативу рассказать о том, на каких условиях вы видите прекращение этого злосчастного

конфликта. Сразу должен сказать, что с нашей стороны будет затруднительно, если вообще возможно, соблюсти условия этого соглашения, ибо все партии в Парламенте настроены на конфликт с Российской империей. И эта непримиримость является наследством давно покойной королевы Виктории. Чтобы это преодолеть, необходимо сместить большую часть Британской элиты.

– Будет вам все в свое время, – сказал Михаил. – Совсем скоро произойдет такое событие, которое поколеблет основы мирового политического устройства...

– Вы имеете в виду предположительную турецкую революцию? – быстро спросил адмирал Фишер.

– События в Турции сами по себе не способны поколебать ничего, кроме самой Турции, – с загадочным видом ответил император, – я подразумеваю нечто большее – то, после чего мир вздрогнет, – и тогда вы, Джеки, не должны упустить свой шанс. Иначе чем на волне всеобщей смуты и брожения умов вас во власть не пустят. Но уж если вы туда прорветесь, то и действовать вам надлежит как новому Кромвелю – жестко и без компромиссов. Ставкой в этой борьбе будет судьба Британии, потому что если враг не сдастся, его уничтожат, а загнанных лошадей пристреливают. Если вы ошибетесь, вам не помогут никакие «дредноуты», ибо и без всяких штук из будущего они представляют собой лишь мишени для русских и германских кораблей.

– Признаю, – сказал Фишер, – желание поскорее заполучить качественное превосходство над флотами Континентального альянса сыграло со мной злую шутку, и конструкция вышла несколько несовершенной.

– Она и не могла получиться совершенной, – ответил адмирал Ларионов, – ведь в начале строительства вы еще не представляли себе тот круг задач, что предстоит решать вашим детищам. Попытавшись охватить необъятное, да еще и на первом корабле в эволюционной цепочке, вы неизбежно должны были породить какого-либо уродца. Скажу честно: там, в будущем, ваш прототип линейного корабля был более удачлив, но уже через семь лет после спуска на воду он ушел в третью линию, не представляя никакой боевой ценности. Недостатки у него были все те же, что я вам перечислил, за исключением тонкой брони, ибо тогда вы проектировали все же полноценный линкор.

– Сейчас, Виктор Сергеевич, – сказал император Михаил, – разговор пойдет не об этом... Адмирала Фишера и его короля больше волнует вознаграждение, которое Британия должна получить за нейтралитет во время событий на Балканах. Мы подумали – и предлагаем вам забрать себе Аравию. Она как раз лежит поблизости от британских владений Египта и Судана, и прекрасно округлит территории Британской империи. Но это случится только после того как вы, Джеки, сделаете попытку прорваться во власть.

– Я вас понял, ваше Величество, – ответил адмирал Фишер, закутываясь в плащ, – и непременно передам ваши слова моему королю. Думаю, для него всего этого будет достаточно. А сейчас, пожалуйста, позвольте откланяться, ибо я не хочу более мешать вашему разговору.

– Так, – сказал император, когда неожиданный гость удалился восвояси, – и кто мне скажет, что это было?

– Думаю, – сказала генерал Антонова, – что ваш британский дядюшка не хуже нас понимает слабость своей позиции. Вскормленная его матерью британская элита толкает Великобританию к войне с Российской Империей, но король Эдуард знает, что это путь к окончательной катастрофе. Поэтому он вертится как фокусник-престижиджигатор на арене цирка, достает из шляпы кроликов, плюется огнем и жонглирует кинжалами. А еще он очень боится умирать, ведь его наследник принц Георг не понимает всей серьезности положения Великобритании и некритически относится к политическим мантрам, внушенным ему бабушкой. В результате, если королю придет блажь умереть, смена караула в Букингемском дворце обернется для нас неприятными особенностями. Отсутствие преемственности курса – одна из слабостей монар-

хической системы, ибо дети часто действуют назло родителям. Что касается текущего момента, то вашего дядюшку Берти вполне удовлетворит предложенная ему доля с Турецкого вопроса в виде Аравии. Но в то же время его наверняка встревожит неопределенность вашего предсказания по поводу грядущих политических потрясений в Великобритании. Единственный плюс от вашего предупреждения – в том, что он и его сатрап адмирал Фишер будут пребывать в полной готовности к взятию неограниченной власти. А это внушительный плюс в перспективе подключения Британии к Континентальному Альянсу. Ведь мы не ставим своей задачей полное уничтожение геополитических противников России; мы лишь хотим, чтобы они вели себя в рамках приличия.

– Да, Нина Викторовна, вы совершенно правы, – сказал император Михаил, – сейчас наша цель – включить Британию в Континентальный Альянс, и, как мне кажется, дядюшка Берти это понял. Но теперь на этот шаг необходимо еще уговорить дядюшку Вилли. Он ужасно ревнив и подозрителен во всем, что касается старушки Британии. И вообще, как мне кажется, он во всем предпочитает прямолинейные силовые решения и не склонен, подобно вам, строить далеко идущих хитрых планов.

– Именно поэтому, – хмыкнул Бережной, – в нашем прошлом англичане обвели вашего дядюшку вокруг пальца как заезжие шулеры – лопоухого деревенского простака. Обещали остаться нейтральными, если он объявит войну России – и, как только дело было сделано, поступили ровно наоборот. Эти мы такие злые и недоверчивые, что ничего не оставляем на волю слепого случая, а кайзер Вильгельм – истинный рыцарь и романтик, знаменитый своей непредсказуемостью. Сегодня он нам союзник, а завтра, когда поймет, что Россия усиливается сверх всякой меры, станет непримиримым врагом.

– Именно поэтому, Вячеслав Николаевич, – сказал император Михаил, – мы принимаем различные меры предосторожности, в том числе не торопимся скормливать Германии Францию и пытаемся приручить Великобританию. На троих соображать гораздо приятнее, чем на двоих, и, кроме того, дядюшка Вилли должен понимать, что у него есть противовес. Одним словом, переговоры со своим беспокойным родственничком я беру на себя, а сейчас поговорим о другом. Сказать честно, мне хотелось бы знать, что такое этот Тунгусский метеорит и с чем нам в итоге придется иметь дело...

– Нам тоже это интересно, – кивнул адмирал Ларионов, – поэтому мы негласно провели предварительное расследование, и по совокупности улики могу сказать, что это точно не испытание ядерного оружия и не терпящий крушение корабль инопланетной цивилизации...

– Ну-ка, ну-ка... – заинтересовался Михаил, – можно поподробнее?

– Можно и поподробнее, – кивнул адмирал Ларионов. – Предположению, что взрыв над Тунгусской тайгой имеет отношение к ядерному оружию, а также любым другим процессам, основанным на распаде тяжелых ядер, синтезе легких, а также гипотетической аннигиляции антивещества, ощутимо мешает отсутствие ионизирующего излучения в момент взрыва, а также радиоактивного заражения местности средне- и долгоживущими изотопами. Будь это нечто подобное нашей царь-бомбе, загаженными бы оказались сотни километров тайги, а свидетели¹⁵, непосредственно попавшие в зону поражения, не общались бы с учеными двадцать лет спустя¹⁶ после взрыва. Нет, взрыв Тунгусского метеорита носит чисто кинетическую природу, потому что его поражающими факторами были только ударная волна и световое излучение, ничего больше.

– Хороший метеорит! – хмыкнул Михаил, – на пятьдесят миллионов тонн в тротиловом эквиваленте...

¹⁵ Семён Семёнов, житель фактории Ванавара, находившейся в 70 км на юго-востоке от эпицентра взрыва и братья-эвенки Чучанчи и Чекарен Шанягирь, чум которых находился в 30 км от эпицентра. Для оценочной мощности взрыва в 50 мегатонн это почти под боком.

¹⁶ Первая экспедиция к месту падения тунгусского метеорита состоялась только в 1927 году.

– Собственно, – сказала генерал Антонова, – называть это явление метеоритом – не совсем правильно. Скорее, это нормальный небольшой астероид, около двухсот метров в диаметре и пяти миллиардов тонн массой. Хотя есть некоторые данные, что оценка массы и размера Тунгусского тела в наше время была изрядно занижена.

– Интересное заявление, уважаемая Нина Викторовна, – сказал император, – неужели у вас появились какие-то дополнительные сведения, каких не было у лучших ученых вашего времени?

Та пожала плечами и сказала:

– Ученые нашего времени не занимались всерьез проблемой происхождения Тунгусского метеорита. Для них это была чисто умозрительная задача. Сначала, исходя из свидетельств очевидцев и схемы радиального вывала леса вокруг эпицентра, они определили тротильный эквивалент взрыва, потом, исходя из гипотезы столкновения на встречнопересекающихся курсах, установили скорость упавшего тела (пятьдесят километров в секунду), после чего «на кончике пера» вычислили его массу. Все вроде бы хорошо, но для нас это явление – не умозрительная задача, поэтому мы заблаговременно решили подойти к ней со всей тщательностью, которая применяется при расследовании противогосударственных преступлений. Кстати, отчет об этих исследованиях был направлен в вашу личную канцелярию, так что меня удивляет ваша неосведомленность в этом вопросе. Неужели девочки в канцелярии что-то напутали и не передали этот документ вам на ознакомление?

– Да, – сказал Михаил, – папку, озаглавленную «Отчет по отдельным вопросам, связанным с предполагаемым Тунгусским явлением», я получил пару месяцев назад и даже честно попытался ее прочитать, но ничегошеньки не понял в нагромождении математических формул, после чего забросил это занятие. Видимо, глубоко во мне еще сидит поручик синих кирасир, для которого все это учение – темный лес. Была мысль вызвать к себе господ Белопольского и Иванова¹⁷, означенных на титульном листе в качестве авторов этого сочинения, но закрутился с текущими делами и по сей день не сподобился это сделать...

– И очень зря, что не сделали, – сказала Антонова, – впрочем, для того, чтобы сделать выводы, вам достаточно было поговорить по этому вопросу со мной или с Дедом. Уж Александр Васильевич смог бы прояснить ситуацию на пальцах и без единой формулы. Помните, как мы советовали вам не пророчествовать по этому поводу и никому не называть ни места, ни точного времени предполагаемого явления?

– Помню, – кивнул император, – и в основном придерживаюсь этого правила. Только совсем недавно с адмиралом Фишером и дядюшкой Берти немного напустил туману, но это только для того, чтобы они были готовы к любому развитию событий.

– А ведь вы знаете, Михаил Александрович, – сухо кивнула Антонова, – что развитие событий действительно может оказаться любым. Нет, Тунгусский метеорит на Землю упадет наверняка, вероятность этого выше девяноста пяти процентов, но точный момент этого падения и, соответственно, его место остаются для нас под вопросом...

– Так-так, уважаемая Нина Викторовна, – встрепенулся император, – а вот об этом, пожалуйста, расскажите подробнее... Я хочу знать, что значит «находится под вопросом» и как вам удалось это выяснить?

– Разумеется, – сказала Антонова, – существует немалый шанс, что и в этот раз все пойдет, так сказать, «как обычно», но это лишь одна треть из всех возможных исходов. С астрономической точки зрения, для этого требуется, чтобы все воздействия на тунгусское тело, гравитационные аномалии и столкновения с другими метеоритами в точности повторяли то,

---

¹⁷ Российские астрономы, работавшие в Пулковской и Санкт-Петербургской (университетской) обсерваториях. Оба позже директорствовали в Пулково и оба остались после Революции в Советской России, а это для Тамбовцева и Антоновой – как знак качества, что человеку можно доверять сведения, недопустимые для открытого доступа.

что было в нашей истории. Поручиться за это, как вы понимаете, не может никто. Единственный способ выяснить все с приемлемой точностью – это обнаружить данное тело астрономическими способами и вычислить его орбиту... Но сделать это чрезвычайно сложно, поскольку нынешняя наблюдательная астрономия еще не умеет «отлавливать» такие малоразмерные космические тела. Это же не комета, которая демаскирует себя газовым хвостом, и не микропланета с диаметром в десятки и сотни километров, а лишь космический булыжник с чрезвычайно низкой отражающей способностью. Кстати, пожелай вы вызвать к себе господ Белопольского и Иванова, это у вас все равно не получилось бы, потому что они оба, вместе с лучшим инструментом, который можно было отправить по железной дороге, сидят на Кавказе в местечке Абастуман, где каждое утро ведут охоту за интересующим нас объектом. Когда знаешь, что искать и в какой части неба это «что-то» может находиться, шансы на успех астрономических наблюдений существенно повышаются. До тех пор, пока не придут результаты работы этих двух уважаемых российских специалистов, мы все равно не сможем ничего сказать с достаточной точностью.

– Очень хорошо, Нина Викторовна, – закусив губу, сказал император, – а теперь расскажите все с самого начала – подробно, но популярно, без лишней математики.

– Если сначала, – сказала Антонова, – то, во-первых – перечитывая имеющиеся на эскадре книги и энциклопедические статьи, касающиеся Тунгусского явления, штурманы наших кораблей, начавшие работу над этим вопросом, обратили внимание на упоминания о том, что у Тунгусского явления имелись предвестники. За трое суток до взрыва в северном полушарии нашей планеты отмечались различные метеорологические явления – вроде серебристых облаков, солнечных гало и чрезвычайно ярких сумерек. Есть предположение, что это Земля вошла в облако из пылевых частиц, окружающее нашего Тунгусского гостя, а то, что это случилось за трое суток до основного события, говорит о том, что орбита этого тела в данном месте проходила по касательной к орбите Земли. Во-вторых – столкновение произошло ранним утром тридцатого июня, когда Земля, еще находящаяся в непосредственных окрестностях летнего солнцестояния, летит по орбите вперед рассветным терминатором, говорит о том, что столкновение было догоняющим. Это подтверждает и достаточно продолжительное время, в течение которого летящее в атмосфере тело наблюдалось в поселениях, расположенных вдоль трассы Великого Сибирского Пути. По некоторым оценкам, тысячу километров космическое тело пролетело за десять минут. По земным меркам – бешеная скорость, а по космическим – метеорит полз как черепаха. Конечно, надо учитывать торможение в атмосфере, но тем не менее это никаким образом не похоже на встречное столкновение. На скоростях от пятидесяти до семидесяти километров в секунду время пролета космического тела свелось бы к десятку секунд, а его взрыв произошел бы не на десяти километрах высоты, а гораздо выше. Это привело бы к двум последствиям: вспышка взрыва была бы видна не с трехсот-четырехсот, а с тысячи километров расстояния, а ударная волна, напротив, из-за разреженности воздуха на больших высотах оказалась бы чрезвычайно слабой. Радиальный вывал леса и прочие явления, характерные для низковысотных ядерных воздушных взрывов, говорят об обратном.

– Понятно, Нина Викторовна, – кивнул император, – так, значит, исходя из ваших слов, это не Тунгусский метеорит врезался в землю, а она догнала его на орбите и сбила, так сказать, совершив космическое дорожно-транспортное происшествие...

– Да, именно так, – ответила генерал Антонова, – этим обстоятельством объясняется как относительно небольшая скорость падения Тунгусского метеорита, так и предшествовавшие ему явления, не объяснимые никаким другим способом.

– Да я с вами и не спорю, – кивнул Михаил, – почти. Я тоже понимаю, что очень небольшое изменение начальных условий может вызвать значительные изменения в траектории. Но не получится ли так, что в результате таких изменений наш метеор просто пролетит мимо Земли или, напротив, ударит в какой-нибудь крупный город – например, Лондон, Париж, Бер-

лин или Санкт-Петербург? Хотя это вряд ли. Ведь, как я понимаю, там, в вашем прошлом, он ударился об атмосферу под очень острым углом и долго тормозил в ее верхних слоях. Сто верст выше – и он пролетает мимо Земли, сто верст ниже – и взрыв происходит на гораздо более заселенной территории: где-нибудь в районе Владивостока, Хабаровска или Харбина. Ведь так?

– Это далеко не все вопросы, – неожиданно сказал адмирал Ларионов. – Есть предположение, что данное космическое тело еще двадцать седьмого июня почти пролетело мимо Земли на скорости, превышающей вторую космическую, но зацепилось за край атмосферы и перешло на чрезвычайно вытянутую орбиту, нижняя часть которой снова касалась атмосферы. Если это случилось над Северным Ледовитым океаном, то наблюдать это явление было банально некому. Одновременно тунгусский метеороид лишился всего запаса налипшей на его поверхность космической пыли, что вызвало те самые удивившие мир метеорологические явления, а уже на втором своем обороте космический бродяга зарылся в атмосферу глубже, чем это было полезно для его здоровья, и окончательно финишировал над сибирской тайгой. Гол!

– Да, Виктор Сергеевич, – покачал головой император, – умеете вы приободрить. Даже поручику синих кирасир понятно, что описанное вами явление – это та еще русская рулетка, именуемая «конус рассеивания». При таком сценарии вероятность, что все пройдет «как в прошлый раз» – не одна треть, а какие-нибудь жалкие три процента. Хорошо еще, если ваше космическое тело рванет где-нибудь над Новой Землей, на первом проходе зарывшись в атмосферу глубже, чем это разрешено, или же вовсе пролетит мимо. Так ведь оно и в самом деле может упасть в самом непредсказуемом месте и поубивать при этом кучу народу. И виноват в этом окажется государь-император всероссийский Михаил Второй, который не предупредил человечество о грядущем апокалипсисе...

– В любом случае, – сказал генерал Бережной, – прежде чем предупреждать, надо хотя бы знать, о чем. А у нас пока, кроме предположений, ровным счетом ничего нет. С военно-политическими вопросами, мы, если что, справимся и без Тунгусского дива, а прежде чем приступить к предотвращению последствий пятидесятимегадонного взрыва в людной местности, надо хотя бы обнаружить потенциального нарушителя спокойствия, провести его идентификацию и определить предполагаемый район падения. В конце концов, восемьдесят процентов земной поверхности занимают моря и океаны, а более шестидесяти процентов суши практически необитаемы, и, если взрыв произойдет над песками Сахары, джунглями Амазонки или просторами одного из четырех океанов, то пострадавших вряд ли будет больше, чем в нашей истории. А если при этом местность взрыва будет безлюдной, но пролет метеороида господа европейцы смогут наблюдать прямо из партера, то результат выйдет еще интересней. Но это уже как получится, ведь мы сами не способны повлиять на эти события, а посему – делай что должно и да случится что суждено.

– Ну вот это уже легче, – немного повеселел Михаил, – спасибо вам, Вячеслав Николаевич, вы меня действительно утешили. А вы, Нина Викторовна, осведомляйте меня обо всех известиях в данном вопросе, и без всяких там математических формул, простым русским языком. В конце концов, мы должны знать, к чему готовиться. Но все равно вести такие разговоры на ночь глядя не рекомендуется. А то приснится потом такое, что и вовсе не проснешься. Пожалуй, по рюмочке Шустовского нам не повредит. А потом – спать-с! Завтра будет тяжелый день.

8 июня 1908 года, 10:15. Ревель, дворец губернатора Эстляндии, он же Ревельский замок, он же Каструм Данорум.

Саммит трех императоров начался с небольшого курьеза. Гарнизонный оркестр, выстроенный на дворцовой площади, три раза сыграл один и тот же гимн. Дело в том, что мелодия гимна Германской империи «Славься ты в венце победном» была точной копией мелодии бри-

танского «Боже, храни короля», а русский «Боже, царя храни» отличался от своего британского предка лишь незначительными вариациями. Нехорошо, однако, получилось...

Поморщившись, Император Михаил попросил своего адъютанта записать данный вопрос в блокнот-ежедневник. Российской империи нужен новый гимн, который гарантированно отличал бы ее от других империй. И кайзеру Вильгельму присоветовать сделать то же самое. А то негоже самым мощным континентальным державам пользоваться обносками с чужого плеча.

Но вот гимны отыграли; императоры и их верные клеверты обменялись приветствиями и дружной компанией направились внутрь, где все уже было приготовлено для эпохальной встречи. Никаких делегаций, только сами монархи и их ближайшие помощники. Правда, некоторые вопросы у британского короля вызвало присутствие на встрече сербского королевича и болгарского царя, допущенного в общество взрослых мужчин благодаря своему монаршему статусу, но император Михаил сказал, что не будет обсуждать балканский вопрос без главных действующих лиц и своих ключевых союзников, без пяти минут родственников.

– В таком случае, – ответил британский король, – стоило бы позвать на эту встречу греческого короля Георга Первого и итальянского монарха Виктора Эммануила Третьего.

– О приглашении греческого короля, дядя Берти, – парировал Михаил, – вам нужно было позаботиться самостоятельно, ибо что разрешено, то не запрещено. Впрочем, королю Италии на нашей встрече ловить нечего. Я в курсе, что он облизывается на Албанию, Триполитанию и Киренаику, но это пустые мечты, по крайней мере, в отношении Албании. А то развелось тут любителей хватать куски с чужого стола и растаскивать их по своим норам, пока хозяева заняты серьезными делами...

При этом никого не удивило присутствие в зале заседаний госпожи Антоновой, генерала Бережного и адмирала Ларионова, а также отсутствие представителей турецкого султана, австро-венгерского императора и румынского короля. Турки и австрийцы были жертвенными баранами, предназначенными на заклание, а акции Румынии в последнее время крайне низко котировались на петербургской политической бирже. Стрелка барометра для этого политического недоразумения, зачатого в результате нечаянного австро-русского компромисса полвека назад, стояла между отметками «дождь» и «буря». Никто не любит вороватых цыган. Сербь и болгары, напротив, были «братушками», и при условии соблюдения ими общего политического курса с их мелкими недостатками были согласны мириться.

– Итак, господа монархи, братья по разуму и соратники по цеху, – на правах хозяина встречи начал император Михаил, – все мы люди занятые, у всех дома осталось хозяйство и семьи, поэтому не будем терять времени и приступим к делу хорошенько помолясь... Аминь.

– Аминь, Майкл, – ответил король Эдуард, – в первую очередь мы хотели бы услышать о твоих планах в отношении Турции. А то у нас возникли некоторые опасения за здоровье Больного Человека Европы.

– Говорите только за себя, Берти, – буркнул кайзер Вильгельм. – Эти турки настолько бестолковы, что с ними совершенно невозможно иметь дела. Разговоры о железной дороге из Константинополя в Басру через Багдад идут уже тридцать лет, а дело не движется ни на шаг.

– Хорошо, Вильгельм, – с нажимом сказал британский король, – это у меня возникли опасения за здоровье дражайшей тетушки Турции.

– Напрасно вы так переживаете, дядюшка Берти, – ответил Михаил, – ваша турецкая тетка больна неизлечимой болезнью из смеси алчности и злобы. Она скончается от вызванной ею гангрены вне зависимости от ваших переживаний, ибо таково веление времени. Сейчас, когда с момента исторического Сан-Стефанского договора минуло тридцать лет, Россия ставит ребром вопрос возвращения к его условиям и, соответственно, отмене итогов Берлинского конгресса. Ведь за это время турецкие власти так и не удосужились выполнить главное условие того соглашения – обеспечить безопасность христианского населения Османской империи, а

также равные права христиан и мусульман. Вместо этого сербскому, болгарскому, греческому и армянскому населению Оттоманской Порты непрерывно чинятся всяческие утеснения, из-за чего территорию турецкой державы сотрясают восстания и всяческие неустройства. И самым большим из этих неустройств является правительство его Величества султана, который в свое оправдание даже не может сослаться на грехи предшественников, ибо он сам непрерывно правит уже тридцать два года.

– Турция, – сказал король Эдуард, – никогда добровольно не согласится с ущемлением своих прав...

– Если она не согласится с этим добровольно, – парировал Михаил, – то будет принуждена к тому военной силой – и потеряет не только Фракию и Македонию, а вообще все. Сейчас, в двадцатом веке, не может быть терпимо такое положение, когда в колыбели древнего христианства вовсю властвует свирепый людоедский режим, жестоко угнетающий своих подданных...

– Майкл! – воскликнул король Эдуард, – ну зачем все это представление для публики? Мы же все прекрасно понимаем, что главным для тебя являются не какие-то мифические права христианского населения Османской империи, а усиление своего влияния на Балканах и контроль за Черноморскими проливами...

– Когда Британия, – ответил император Михаил, – захватывает какую-нибудь заморскую территорию или усиливает свое влияние в какой-нибудь части света, она зачастую не заморачивается моральными оправданиями. Дядя Берти, никогда не меряйте других своими мерками. Для нас, для русских, совершить какое-нибудь доброе дело ничуть не менее важно, чем получить от этого выгоду. И к тому же, если все страны в мире не стыдятся полученных ими политических выгод, то почему этого должны стыдиться мы? Россия достаточно брала на себя разных дурацких обязательств, в результате которых ее обманывали и прямо обворовывали. Дядя, ты приехал сюда говорить с позиции силы – так получай то блюдо, которое заказывал. Российская Империя в любом случае, невзирая на все сопротивление Британии, выполнит свои обязательства перед странами Балканского союза и христианскими народами, стонущими под магометанским игом. У нас хватит пороха и решимости в случае начала военного противостояния причинить Британии чудовищную боль и вынудить ее отступить не солоно хлебавши. Впрочем, если вам будет угодно, то мы отдадим вам часть своей добычи, ибо Христос заповедовал делиться с ближним. После разгрома Турецкой империи вся территория Аравии, включая и ту ее часть, которая ныне не является турецкими владениями, может отойти в собственность британской короны.

Наступила тишина. Взятка была предложена – и теперь английскому королю предстояло решить, брать ее или гордо отвергнуть. Правда, в таком варианте имелся большой риск вообще остаться ни с чем, ибо русским эта Аравия даром не сдалась, – в результате чего после британского отказа на нее наверняка разъявят рот немцы. Вон, кайзер Вильгельм, который до сих пор не наелся колоний, смотрит на короля Эдуарда, приоткрыв рот и затаив дыхание. А ну как откажется – и тогда Аравия его... А против союза двух континентальных империй Британия воевать не сможет. Точнее, сможет, только добром это для нее не кончится. Слишком уж неспособны ресурсы.

– Э-э-э, Майкл... – немного растерянно сказал король Эдуард, – а можно узнать, какую долю от вашей общей добычи получит присутствующий здесь наш брат Вильгельм, кайзер Германии?

– Германия, – ответил император Михаил, – получит территорию Ирака, в древности именовавшейся Месопотамией, центральную Анатолию и половину Палестины к югу от Иерусалима. Вполне нормальная добыча для страны, которая не принимает непосредственного участия в войне.

– О да, – сказал Вильгельм, – это действительно так. Когда Германия будет воевать французские или британские колонии, она тоже выделит России две пятых своей добычи. Это чест-

ное союзничество. И, самое главное, после вступления в Континентальный Альянс Сербии и Болгарии мы сможем наконец построить железную дорогу Берлин-Константинополь, Багдад, Басра и составить конкуренцию вашему Суэцкому каналу. Когда-то торговый путь вдоль Евфрата и дальше на север к портам Черного и Средиземного морей был весьма оживленным, да только караваны верблюдов и навьюченных ослов были не в силах конкурировать с тяжело груженными пароходами. Но железная дорога гораздо эффективнее вьючных караванов и сможет доставлять грузы из Персии и Индии непосредственно в центр Европы, без всяческих пошлин и препон. Я не говорю, что мы разорим вашу компанию Суэцкого канала (ибо это невозможно), но зато могу утверждать, что мы в состоянии составить ей достойную конкуренцию.

Выслушав слова кайзера, король Эдуард подумал, что его старший племянник явно что-то скрывает. Где-то за пределами турецких владений ему нарезан еще один жирный кусок, ценность которого не идет ни в какое сравнение с обрезками злосчастной турецкой империи.

Но вслух он произнес нечто совсем иное:

– Постой, Майкл... Так ты решил полностью и до основания уничтожить Османскую империю, не оставив султану Абдул-Гамиду и его потомкам даже маленького клочка земли?

– Больной Человек Европы, – ответил император Михаил, – страдая от неизлечимых болезней, мучается сам и, подобно переполненному гноем фурункулу, мучает всех своих соседей и подвластные ему народы. Зачем длить существование этого комка боли, когда можно прикончить его быстро и гуманно всего одним ударом, как завещал нам гений Александра Македонского. После того как опытный хирург острым скальпелем вскрывает зловарный нарыв, состояние больного обычно резко улучшается. Проблема только в том, что в случае с Османской империей больной и нарыв – это давно одно и то же.

– Мы эту Турцию совсем нэ болно зарэжэм, – добавил улыбнувшийся жутковатой улыбкой генерал Бережной. – Чик – и ее уже нет. При этом простые турки продолжают жить, и еще будут славить русского царя и доброго кайзера, потому что управлять страной хуже, чем управляют нынешние турецкие власти, могут только такие людоеды как Пол Пот или Бокасса, а до них ваша цивилизация еще не доросла.

– При этом, – сказал император Михаил, – все болгарское станет болгарским, все сербское – сербским, все греческое – греческим, а Россия возродит славу былой Византийской империи, древней колыбели христианства. И любой, кто встанет поперек этого процесса будет повержен, лишится обеих рук и ног и окажется вбит в землю по самую глотку. Я так сказал – значит, быть посему!

В этот момент присутствующим показалось, что за спиной русского царя явственно встала щетина отточенных штыков полуторамиллионной армии постоянной готовности, доведенной его усилиями до вполне приличного, по европейским меркам, состояния. Впрочем, сила этой армии была не столько в количестве штыков, сколько в насыщении подразделений пулеметами и минометами, батареях полковой артиллерии и тяжелых отдельных гаубичных дивизионах дивизионного и корпусного звена. При этом гаубицы калибром в пять и шесть дюймов в первом стратегическом эшелоне тянули не лошади-тяжеловозы, а первые в мире гусеничные тягачи с бензиновыми двигателями Луцкого, от которых до нормальных танков оставалось всего несколько шагов. Вообще, собственно в Европе тогда еще никто не знал, какое состояние вооруженных сил является приличным, а какое не очень, ибо последние сражения, в которых участвовали европейские армии, отгремели лет сорок назад. Одни лишь англичане не так давно прошли через англо-бурскую войну, но там противник был несерьезный (полупартизанское ополчение бурских республик), и то армия Владычицы Морей хоть и одержала победу, но выползла из той драки на четвереньках.

– И, кстати, о Палестине... – неожиданно для всех в полном молчании сказал адмирал Фишер, – овладев этой территорией, русские и германские власти собираются разрешить иудеям возвращаться на их исходное место жительства?

Кайзер Вильгельм поморщился, будто откусил кислого, а адмирал Тирпиц фыркнул. Еще чего! В германской Палестине дозволит жить только местным жителям (желательно христианского вероисповедания) и подданным Второго Рейха. Возможно, среди них будут иудеи, но никаких привилегий при поселении представители этой нации не получают и даже, напротив, их основание поселиться на этой заморской территории Германии будут проверяться полицией с особым тщанием. Но в большей части британский адмирал и его король ждали ответа все же от русского царя, который и был главной причиной сегодняшней встречи. Это ему не давало покоя предчувствие грядущих всеобщих перемен, толкающее его на разные превентивные действия, в то время как остальные его коллеги – короли и императоры – еще пребывали в благодушно-расслабленном состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.